

Ольга Малышкина

БРЫСЬ,
или Приключения
одного т.н.с.

ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ

Международного литературного конкурса
«Новая сказка – 2015»

НЕВЕРОЯТНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БРЫСЯ
В ПРОСТРАНСТВЕ
И ВРЕМЕНИ

БРЫСЬ, иди приключений одного т.н.с.

Ольга Малышкина

УДК 82-311.3-93
ББК 84 (2Рус-Рос) 6
М20

Малышкина О. В.

М20 Брысь, или Приключения одного м.н.с.: Приключенческая повесть / Художник О. Кагальникова. – М: Брысь & Co; 2023. – 218 с. – Б.д. – ил.

ISBN 978_5_6042350_4_1

Возможна ли дружба между котом и крысой? Да, если кота зовут Брысь и он мечтает об эликсире перемещений, а крыса – питомец изобретателя волшебной жидкости Вовки Менделеева и гордится званием м.н.с. – младшего научного сотрудника. Эксперименты юного химика забросили белого крыса Пафнутия в сурое послереволюционное время, в 1918 год, где судьба свела его с детдомовским парнишкой Колей, сыном бывшего царского офицера. Смогут ли друзья отыскать в людском водовороте Колиного отца? Вырваться из рук бандитов? И при чём тут чёрная жемчужина? Какие тайны скрывает старая фотография? И что означают загадочные отпечатки в подвале старинного особняка?..

Для среднего школьного возраста.

УДК 82-311.3-93
ББК 84 (2Рус-Рос) 6

*Охраняется законом об авторском праве.
Все права защищены. Полная или частичная перепечатка издания, включая размещение в сети Интернет, возможна только с письменного разрешения правообладателя.*

ISBN 978_5_6042350_4_1

© Малышкина О.В. , 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Брысь – кот с богатой биографией. Судьба не раз испытывала его, забрасывая в разные исторические эпохи. Он умудрился поджечь Зимний дворец; побывал Котом Его Высочества – будущего императора Александра Второго; стал свидетелем восстания декабристов; едва не погиб, спасая своего хозяина и друга от покушений народовольцев; «поработал» эрмиком-мышеловом в Эрмитаже, где получил от сотрудниц музея элегантную кличку Ван Дейк, и даже отыскал таинственно исчезнувшую в годы Великой Отечественной войны Янтарную комнату! Среди друзей Брысь слытывёт искателем приключений, полиглотом, грамотеем, обладателем изысканных манер и ошейника, сплетённого из золотистых шёлковых нитей немецкой принцессой Марией Гессенской, которым он очень дорожит, поскольку это единственное свидетельство его

«придворного» прошлого. Вместе со своими приятелями – котами Рыжим и Савельичем и псом Мартином – Брысь-Ван Дейк пережил множество приключений, о которых рассказываетя в книгах «Брысь, или Кот Его Высочества» и «Брысь, или Один за всех, и все за одного». Однако на этот раз ему сначала придётся исполнить всего лишь роль «летописца», а главным героем станет... Впрочем, он сам о себе всё расскажет...

ПРОЛОГ

Для тех, кто не знает, м.н.с. – младший научный сотрудник. А кому сведений недостаточно, поясню: я – крыса, или, как говорит Вовка, крысюк (наверное, потому что я мальчик). Не спешите морщить нос – я красивый! Конечно, кто-то начнёт спорить. Возражаю! Красота – понятие субъективное, то есть каждый привлекателен настолько, насколько нравится себе в зеркале!

Моё отражение подсказывает, что я – симпатичный белый зверёк с чудными глазками, напоминающими рубиновые бусины, подвижным розовым носом, потрясающими усами и замечательно длинным тонким хвостом. Почему-то именно он вызывает наибольшие сомнения у окружающих. Вовкина мама даже хотела связать мохеровый «нахвостник». Хорошо, что она привыкла к этой детали моей внешности раньше, чем купила моток шерсти, а то не представляю, на кого бы я стал похож!

Впрочем, по порядку... Родился я чуть больше года тому назад, а из семьи в памяти сохранились многочисленные братья и сёстры, с которыми я делил клетку в Зоомагазине. Кстати, не все мои родственники имели такой изумительно ровный белый цвет,

некоторых портили серые или коричневые пятна. Вероятно, именно поэтому они быстро исчезли из продажи. Меня, красавчика, держали на прилавке дольше всех, не хотели расставаться!

Потом всё-таки уступили Вовиным родителям. Видимо, они предложили сногсшибательную цену. Только не подумайте, что я о чём-то жалею! Напротив, тот момент, когда я перекочевал в руки главе семейства Менделеевых, стал в моей жизни переломным.

Посудите сами: из обычного (хотя и обаятельного!) крысюка я превратился в сотрудника серьёзной научной лаборатории и обзавёлся шикарными апартаментами, где есть место не только для столовой и сантехнических приспособлений, но даже тренажёрный отсек с большим колесом! А ещё зеркало. Оно и разъяснило, почему именно меня выбрали в качестве подарка для семилетнего мальчика. Да не просто ребёнка, а начинающего химика!

В отличие от родителей, я сразу поверил, что Вовка всех нас прославит. Так и видел свою фотографию на обложке какого-нибудь научно-технического журнала и текст: «Пафнутий (это мне имя такое дали) Менделеев пал жертвой неудачного научного эксперимента...» Тьфу! Совсем не то хотел сказать! Это папа всё время так шутит, вот и засел в голове! А с мамой мы сразу договорились, что ни-

каких опасных для моей карьеры препаратов в доме держать не будут, только фруктовые сиропы, витамины да валерьянку для родительских нервов, истерзанных бесконечными Вовкиными опытами.

Однако талант на то и даётся, чтобы делать открытия из «ничего»! Поэтому однажды папина шутка чуть не стала явью. Причём моя жизнь столько раз висела на тоненькой шерстинке, что уже одно это можно отнести к разряду научного чуда!

Впрочем, я опять забежал вперёд. А если по порядку, то в некий прекрасный день Вовке удалось изобрести эликсир перемещений, над которым он бился несколько месяцев. (У меня от сладкого чуть аллергия не началась!) И добился... Я исчез!

Как выяснилось позже, не только я, но ещё три кота и собака Вовиного друга из подъезда слева от нашего. Такое близкое соседство чуть не стоило мне жизни!

Так вот, на них тоже подействовала волшебная жидкость! Только, в отличие от меня, они своими похождениями остались довольны, а серо-белый даже мечтает продолжить, а потому и подкатывает теперь ко мне: мол, раздобудь эликсирчика!

Когда этот котяра с потрёпанной золотистой верёвочкой на шее влез к нам в форточку, я чуть не отправился в рай для грызунов раньше положенного срока! Решил, что он

передумал и теперь считает белых крыс деликатесом, а не «подозрительной пищей» (как в тот момент, когда Вовка, совершенно забыв о моих видовых разногласиях с котами, притащил меня в квартиру к приятелю, чтобы похвастаться счастливым возвращением сотрудника)! Но оказалось, что ему нужен перемещатель, чтобы вернуться к некоему Д'Артанияну и посмотреть, как тот наденет голубой плащ с серебряным крестом.

А чтобы я проникся серьёзностью его намерений, рассказал, что они побывали в книжке про мушкетёров! Выслушав историю, я (уже без Вовы!) сделал важный научный вывод: на продолжительность приключения влияет метаболизм! Не знаете, что это такое? Папа утверждает, что так называется скорость, с которой протекают жизненные процессы в организме. Говоря проще, за один и тот же промежуток времени, что мы отсутствовали, я натерпелся страху гораздо больше, потому что они провели в «том» мире всего пару недель, а я, с моим ускоренным метаболизмом, — целых полгода!

А вот теперь уж точно по порядку...

P.S. Если вам интересно, достал ли я серо-белому эликсир, то отвечу после того, как он запишет мою историю (сам я, увы, писать не научился, только читать — слишком занят научной деятельностью!) Кстати, лапой он машет подозрительно быстро и на буквы совсем

не похоже. Уверяет, что это стенография, а уж потом на досуге расшифрует и оформит текстом... В любом случае перемещатель я ему дам только в обмен на рукопись!

Глава 1

КЛАД

Жидкость в чайной ложке выглядела как обычно: густая, вязкая, тёмная. И пахла сладко, чуть-чуть отдавая валерьянкой (опять Вовка плохо бутылочку помыл, прежде чем эликсир в неё налить!). Никаких подозрений она не вызвала, и никакого чуда я не ждал – понимал, что изобретательское дело сложное, суэты и прогнозов не любит. Вовка, казалось, и сам не возлагал на этот состав особых надежд, хотя записал его, по привычке, в свою тетрадку, уже довольно пухлую.

Я торопился вернуться к занятиям на тренажёре (если бы не постоянный бег, знаете, каким бы я стал толстым от употребления фруктовых сиропов, на основе которых строились все Вовкины рецепты?!), однако до колеса не добрался – ужасно спать захотелось. Решил, подремлю немного и продолжу спортивные упражнения.

Очнулся в незнакомом подвале. Впрочем, подвалов в моей благоустроенной жизни

никогда не было, а потому ни один из них я не мог бы назвать знакомым...

Как уже говорилось, никто в семье не верил в гениальность Вовки больше, чем я, даже он сам! И вдруг выяснилось, что я совершенно не подготовился к возможному успеху эксперимента! Не знаю, какого действия мы ожидали от эликсира перемещений, но уж точно не того, чтобы я проснулся в кромешной тьме на битой кирпичной крошке без мисочек, лотка, колеса, зеркала, а главное, без моего друга и научного руководителя Вовы Менделеева! Время очень подходило для паники, и я в неё впал: стал метаться по подвалу и что было мочи звать на помощь.

Видимо, несмотря на регулярные физические нагрузки, мочи во мне скопилось не много, потому что никто меня не услышал и не пришёл. Обессиленный, я забился в угол и приготовился к неминуемой смерти от голода, ужаса и одиночества. Однако последний час не спешил пробивать, и я успел взять себя в лапки. (Кстати, вы видели, какой у нас, грызунов, замечательный маникюр? Присмотритесь при случае!)

«Думай, Пафнутий! – твёрдо сказал я себе. – Ты же младший научный сотрудник серьёзной экспериментальной лаборатории, а не какой-нибудь серый подвальный житель!»

Вспомнив о дальних сородичах, я почему-то вместо радости испытал тревогу – не

растасчили бы меня, такого нездешне-белого, на сувениры!

Впрочем, слух подсказывал, что поблизости по-прежнему никого. Глаза мои наконец-то привыкли к темноте, да и усы напомнили, что они не только дань моде, но и отличный навигатор! С их помощью я набрёл на дырочку в стене, маленькое отверстие в каменной кладке. Сначала предположил, что нашёл выход из подземелья, но не увидел ни солнца, ни травки, вообще ничего из того, что показывали по телевизору или из окна нашей квартиры на Детскосельском бульваре города Пушкина! Более всего это напоминало нишу, которую по какой-то причине заложили кирпичом.

Довольно большую её часть занимал деревянный сундук, размером с мою любимую шикарную клетку. К сожалению, ничем вкусным из него не пахло, но так как я уже достаточно пришёл в себя, чтобы соответствовать занимаемой должности, то не мог оставить находку без тщательного осмотра. А потому прогрыз деревянную обшивку и уже собираясь расширить лаз, как вдруг чуть не сломал обо что-то твёрдое мои чудесные жёлтые зубы! (Спросите, почему не белые? Отвечу! Потому что жёлтая эмаль прочнее! Хотя... я никогда не пробовал их чистить.)

Как бы то ни было, но дальше я грыз, соблюдая повышенную осторожность, пока

из сундука не посыпалось его содержимое. И вот такое мне точно показывали по телевизору, в фильмах про пиратов: золотые монеты, бриллиантовые колье и броши, жемчужные ожерелья, кольца, серьги с драгоценными камнями... Не сундук – пещера Алладина! Хотя лучше бы его набили сыром и колбасой! Покопавшись в сокровищах, я обнаружил серебряные ножи, вилки, ложки, отчего аппетит разыгрался ещё сильнее.

Теперь уже не страх, а голод погнал меня на поиски выхода. В конце концов он обнаружился в одном из подвальных отсеков. Даже гораздо лучше, чем просто выход на улицу, потому что оказался – входом в кладовую! Проделали его задолго до меня. Думаю, кто-то из моих серых родственников. Ликование, правда, было коротким, так как в каморке хранились в основном стеклянные банки с вареньем да бочки с солениями и квашеной капустой. Ни тебе головок сыра, ни тебе ароматных колбасных кругов! Стояла в углу пара мешков с картошкой, ею и пришлось лакомиться.

Если честно, в тот момент она показалась мне поразительно вкусной! Так что права поговорка: «Голод – лучший повар!» Мне бы ограничиться съеденным, о талии подумать да о том, почему в таком чудесном месте нет ни моих собратьев, ни даже обычных мышей! Ах нет, уловил мой нос что-то вкусненькое, а желудок его тут же поддержал: потребовал

десерта, да так громко, что заглушил голос разума!

В оправдание вынужден напомнить, что до того дня вёл жизнь размеренную, спокойную, почти бездумную, даром что числился м.н.с. Это я к тому, что крысоловок раньше никогда не видел и даже не подозревал об их существовании...

Глава 2 КОЛЯ

Хе-хе, испугались за меня? Правильно! Я тоже перетрусили, когда за мной решётка захлопнулась! Ладно бы внутри сыр лежал, а то всего лишь хлебушка кусочек! Но такой аромат распространял, что я совсем презрел опасность! А ведь чувствовал подвох: клеточка маленькая, как раз на мою персону; дверца приветливо открыта, а от неё пружина тянеться, и в самом дальнем конце угощение так и манит: заходите, мол, не побрезгуйте, чем богаты... Вот я и зашёл! Уже сидя за решёткой, разглядел ещё несколько таких же сооружений, но, кроме меня, желающих поселиться в тесных хоромах не нашлось.

Время в неволе тянулось медленно: все песни перепел, все думы передумал. Среди них попалась и оптимистичная – тот, кто установил капканы, должен же проверить, не попа-

лась ли птичка в клетку?! Ну пусть не птичка, а грызун, зато какой беленький, с рубиновыми глазками, с розовым... Впрочем, о себе я уже рассказывал.

Неблагодарные мы всё-таки создания! Только я приступил к ожиданию «проверки», как где-то наверху распахнулась дверь и высветился кусочек каменной лестницы. Послышались шаги. Цепкий холод ужаса тут же вытеснил из сердца надежду на освобождение, и захотелось еще спокойно посидеть, поразмышлять в тишине над превратностями судьбы.

Места, чтобы развернуться и посмотреть, кто спускается в кладовую, не было, так что я замер, уповая теперь на то, что меня в темноте не заметят. Однако шаги приблизились прямо ко мне! Остановились... Совсем рядом я почувствовал чьё-то дыхание и съёжился, мечтая исчезнуть! И почему Вовка работал над перемещателем, а не над составом, который делал бы нас невидимыми?!

— Бе-е-е-дненький! Попа-а-лся! Краси-и-и-ивенький! — нараспев протянул чей-то голос.

Детский, но мальчик или девочка с перепугу не разобрал... В следующее мгновение позади опять что-то щёлкнуло и меня вытащили за талию (ну, за то место, где она была бы, если бы не сиропы).

— Колька! Опять забрался в кладовую?! Ну-ка, живо вылезай оттуда! Вот скажу

воспитателю, он тебя в погреб на всю ночь посадит! – раздался зычный окрик.

Тот, кто оказался мальчиком Колей, вздрогнул, быстро сунул меня за пазуху и поднялся по ступенькам.

– Что ты там опять делал? А? Картошку воровал? Или в бочки за огурцами лазал? – продолжала грозниться какая-то женщина.

Коля молчал. Потом я услышал звук затрешины, от которой мальчик покачнулся, и я вместе с ним. Чтобы удержаться, мне пришлось вцепиться в его тело коготками, и он ойкнул.

– Похнычь мне ещё, барчук! – презрительно прикрикнула тётка (называть её женщиной после того, как она ни за что обидела ребёнка, у меня уже не поворачивался язык!). – Марш в комнату!

Коля повернулся и зашагал прочь, слегка придерживая меня через рубашку. Чуть позже выяснилось, что пошёл он не в комнату, а в сад за домом. Там он сел на землю под старую яблоню и осторожно вынул меня на свет.

Мы внимательно посмотрели друг на друга. Что увидел он, вы уже догадываетесь, а вот передо мной был мальчик возраста Вовы или чуть младше, лет семи, пожалуй. Худенький, бледненький, остриженный почти наголо, так что длиной шерсти (простите, волос) и даже цветом смахивал на меня. Конечно, не такой изумительно белый, но белобрысенький.

А глаза большие серые и какие-то... взрослые. А может, просто грустные – всё-таки подзатыльник незаслуженный получил!

Коля ласково погладил меня пальцем по голове и поставил на траву.

– Беги, ты свободен!

Честно говоря, я так обрадовался счастливому повороту, что сразу кинулся наутёк, но, пробежав несколько метров, оглянулся – мальчик смотрел мне вслед своими то ли взрослыми, то ли грустными глазами, и я вдруг почувствовал, что он очень одинок и несчастен...

Я вернулся к нему и забрался по рубашке на плечо. Коля поцеловал меня в макушку, между моими мягкими ушами (а что, я чистенький, привитый, с паспортом, меня можно!) и неожиданно сказал:

– Давай дружить! Ты живи здесь где-нибудь неподалёку, только больше не попадайся в крысоловки, а я буду приходить так часто, как смогу! И приносить тебе чего-нибудь вкусненького! Договорились?

Конечно, договорились! Отчего бы не стать другом хорошему человеку?!

– Да, тут ёщё кот живёт, Васька. Он, правда, ленивый, но ты всё равно будь осторожен! Ладно?

Вот только Васьки мне не хватало! Я ведь с котами того, не очень... На тот момент и не встречался с ними никогда нос к носу, но по

телевизору видел, что они с нашим братом делают — мороз по коже...

Я пообещал. На том мы с Колей и расстались...

Глава 3

ПАФНУТИЙ ИЗУЧАЕТ ОКРЕСТНОСТИ

Коля ушёл, несколько раз оглянувшись на прощание, а у меня появилась возможность изучить окрестности. Скажу сразу: то, что я увидел, ничем не напоминало нашу девятиэтажку из жёлтого кирпича или того, что я обычно наблюдал из окна нашей квартиры. Ничего, даже отдалённо похожего! Только странная, необъяснимая уверенность, что я в том же городе, что и прежде, то есть в Пушкине, бывшем Царском Селе. Может, воздух какой-то особенный или генетическая память, то бишь память многих поколений моих предков, которые веками жили на одном месте...

Вокруг яблони валялось несколько подгнивших плодов. Остальные были тщательно собраны. Вероятно, именно они превратились в варенье и стояли теперь в кладовой в стеклянных банках.

Я надкусил одно яблоко и понял, что с голоду не помру. Помимо калорий, фрукты снабдили меня информацией о том, что на дворе

(пусть и незнакомом) ранняя осень. А точнее, та чудесная пора, которую Люди называют «бабьим летом». Не знаю, почему... Может, при плюс 20 мужчины уже мёрзнут?

Сад имел запущенный вид и, судя по исполинским деревьям: дубам, липам, вязам, даже кедрам, – был довольно старым. Позже я ещё обнаружил огромный серебристый тополь, он рос с другой стороны дома. Хотя называть это сказочное сооружение таким банальным словом не очень вежливо. С башнями, увенчанными островерхими черепичными шатрами, ажурными перилами балконов и веранд он походил на дворец. Пусть деревянный и всего лишь двухэтажный, но на высоком каменном фундаменте. Красновато-коричневые стены весело глядели на меня окнами с белыми наличниками в резных завитушках, а стёклышки парадной входной двери украшал тонкий кружевной рисунок, будто их морозцем прихватило... В общем, даже я, будучи химиком, а не архитектором, оценил его красоту по достоинству!

Разъяснилось происхождение клада – такой особняк мог принадлежать только о-о-очень богатым Людям. Видимо, сокровищ у них было так много, что излишки они решили замуровать в подземелье, чтобы не вызвать экономического краха и девальвации национальной валюты! Может, кому-то мои обширные познания в экономике покажутся

странными? Напомню: я учёный, занимаю, то есть занимал, серьёзную должность и часто смотрел умные телепередачи, так что фразами владею получше некоторых!

Ещё, если вы не забыли, я – крысюк, то есть существо хоть и милое, но не очень крупное, а потому на осмотр дома и сада у меня ушёл весь остаток дня. Да, чуть не упустил важную деталь – особняк буквально кишел народом! Одних детей я насчитал штук тридцать, пока не сбился со счёта. Ребятишки были одеты в сероватые сатиновые платьица или рубашки и тёмные штаны. Мальчики от девочек только одеждой и отличались, потому что острижены все, как и Коля, почти на лысо. Самым старшим, наверное, едва исполнилось двенадцать.

За всем этим кипучим малолетним коллективом приглядывало всего двое взрослых: пожилой инвалид с деревянным протезом вместо правой ноги да женщина неопределённого возраста с суровым лицом и гладко зачёсанными назад русыми волосами. Изредка она покрикивала на кого-нибудь из особо расшалившихся, и по её голосу я понял, что должна быть ещё другая, та, которая отвесила Коле подзатыльник и обозвала «барчуком».

Я принялся выискивать его бледненькую несчастную физиономию, но не нашёл, зато увидел кота Ваську – здоровенного, полосатого, с ленивой мордой! Его как раз тискала

одна из девочек: шебуршила длинный мех на животе, разводила в стороны лапы и дула в мокрый нос. Он терпел и жмурился, хотя подёргивающийся кончик хвоста говорил, что нежности ему порядком надоели.

Пока враг (а кем его прикажете считать?!) был занят, я вернулся под яблоню, чтобы устроить временное жилище и расположиться на ночлег. Рыть нору в чёрной земле означало безвозвратно испортить ухоженные кото-точки, поэтому я просто сгрёб в кучу опавшие листья и собрался в них зарыться, как вдруг услышал тоненький свист:

— Фьююю!

Я обернулся. Прямо на меня смотрела серая дамочка-крыса. Смотрела она сверху вниз, так как стояла на задних лапках, а в передних держала огрызок яблока.

— Фьююю! — повторила она, не скрывая изумления.

Ещё бы! Ей, наверное, никогда не приходилось видеть такого красавчика! Я принял соответствующий моей внешности и должности гордый вид (жаль, что мы только стоять умеем, а не ходить, как Люди, глубокомысленно заложив передние лапки за спину) и открыл рот, чтобы начать учёную беседу, а ещё лучше — научную дискуссию. Однако дамочка не дала мне и слова молвить, перехватив инициативу:

— Ты больной? Это заразно? Не приближайся! Не дыши в мою сторону! Ничего здесь

не трогай! Откуда ты взялся на мою голову?!

Не отвечай! Ничего не хочу знать!

Сказать, что я опешил, — ничего не сказать! Если я и намеревался сообщить что-либо о себе, то после такого невероятного вступления чуть не забыл, как меня зовут! Так и вижу себя теперь глазами Клары (об этом позже): белый, с бестолковым (от неожиданности!) выражением рубиновых глаз и широко раззявленным ртом, из которого торчали зубы, покрытые прочной жёлтой эмалью!

Глава 4

КЛАРА

На вас когда-нибудь смотрели с презрительностью? Интересно, как вы реагировали? Я, например, так: первоначальное возмущение быстро сменилось желанием зарыться поглубже в тот ворох, что я насобирал для ночлега, и подумать, не ошибся ли я, считая себя красавчиком... Но тогда следовало бы признать, что заблуждались и продавцы Зоомагазина, которые долго не хотели со мной расставаться, и Вовины родители, когда именно меня выбрали в подарок сынишке... Эти мысли успокоили, а потому я повернулся к дамочке спиной и забрался в листья уже исключительно от обиды, а не от огорчения.

Когда я натянул на себя последний листок, любопытство серой барышни взяло верх над прочими чувствами и она примирительно произнесла:

— Ладно, тоже ведь божья тварь! Вылезай, знакомиться будем!

Я хотел было проигнорировать снисходительно протянутую мне лапку дружбы, но во-время спохватился, что лучше аборигенши (то есть местной жительницы) никто не расскажет, где я очутился в результате Вовкиного эксперимента. Поэтому отряхнулся и приосанился: встал на задние лапки, выпятил живот и откинул назад голову.

— Клара! — неожиданно кокетливо сообщила дамочка.

Ой! Моё собственное имя, которым я так гордился, вдруг показалось мне каким-то простоватым, и я решил представиться полным Ф.И.О., для пущей солидности:

— Пафнутий Владимирович Менделеев! (Надеюсь, Вовка простит, что я «записал» его в отцы!)

Уловка сработала — барышня широко распахнула глаза (кстати, совершенно обычного чёрного цвета!) и выронила яблочный огрызок.

— Ух ты!

Не давая ей опомниться, я важно продолжил:

— Младший научный сотрудник серьёзной лаборатории!

И, чтобы закрепить успех, немножко при-
врал:

— Младший — это значит самый главный!

Однако Клара поняла всё шиворот-навы-
ворот!

— Бедненький! Так ты подопытная крыса?!

Результат неудавшегося эксперимента?!

Я возмутился:

— Почему неудавшегося?! Очень даже
удачный эликсир получился! Жил я в девяти-
этажке в шикарных апартаментах, а теперь
вот где оказался!

Дамочка скептически оглядела мою кучу
листьев.

— Да уж! Удачно! Лучше не скажешь!

Я расстроился, что не могу донести до но-
вой знакомой простую мысль: главное — не
оставленная мной в прошлой жизни роскошь,
а научно доказанный факт перемещения
в пространстве, а возможно, и времени!

Ладно, позже поймёт!

— Скажите, будьте любезны, кому при-
надлежит этот дворец и... какой год? — голос
предательски дрогнул. Видимо, от волнения —
ведь от её ответа зависело так много!

Клара почувствовала мою неуверенность
и опять заважничала: присела, сложила лап-
ки на сером животе и повела обстоятельный
рассказ:

— Наше семейное предание гласит, что
дом этот, или, как ты выразился, «дворец» —

творение архитектора Кольба (я почему запомнил-то, на «колбу» похоже, главное орудие химиков), построен в 1879 году и принадлежал сначала надворному советнику Дерикеру, который был врачом и лечил супругу великого князя Константина Николаевича.

(Мой летописец перестал чертить непонятные знаки и вытаращил свои жёлтые глазищи. Оказывается, он лично знал этого князя, поскольку тот был младшим братом его бывшего хозяина, императора Александра Второго. Уж не знаю, как такое возможно... Не в смысле, что у императора брат имелся, а в смысле, что летописец мой в его питомцах побывал! Эликсир-то мы с Вовкой только-только изобрели! Ещё кот утверждает, что, когда князю этому девять лет исполнилось, отец, то есть царь тогдашний, Николай Первый, отправил его в плавание простым юнгой! Мол, пусть морское дело с самых азов изучает, раз ему в дальнейшем командовать российским флотом положено. Врёт, наверное! Чтобы царь да сыночка своего да простым юнгой! Кстати, лапа моего летописца из белоснежной давно стала зелёной, потому что чернил мы не нашли, пришлось откупорить бутылочку с надписью «Бриллиантовая зелень» и вылить в мою мисочку. При чём тут бриллианты мы не поняли. Ни одного не попалось. Видимо, забыли положить!)

Клара между тем продолжала:

— Потом особняк перепродавался, перестраивался. Последней в доме жила купчиха Синёва, жена почётного гражданина нашего города и поставщика живой рыбы к столу императора Николая Второго. Видишь каменную пристройку? (Я посмотрел, куда показывала новая знакомая.) Там он устроил бассейн для её выращивания! (К рыбе я был равнодушен, не кот всё-таки и не царь, но языком поцокал из вежливости.) А с недавнего времени тут детей поселили. Как и во многих других особняках и дворцах. Кстати, из-за этого город называют теперь Детским Селом.

— Простите, а что значит «с недавнего времени»? — осторожно напомнил я вторую часть вопроса.

— С начала лета 1918-го, а сейчас сентябрь! Вот и считай, коли учёный!

Я быстро прикинул — ничего себе! Почти на сто лет назад переместился!

— А куда же делись те, кто тут жил?

— Да повыгоняли всех! — беззаботно ответила Клара и, понизив голос до таинственного шёпота, затараторила: — Да здравствует революция! Долой буржуев! Вся власть Советам крестьянских и солдатских депутатов! Фабрики рабочим! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Честно говоря, я ничего не понял — слишком много незнакомых слов (я таких даже по телевизору не слышал!), однако покивал с умным видом:

— Долой, долой! А скажите, почему детишки человеческие такие бледненькие и лысые?

Клара пригорюнилась:

— Беспризорники они бывшие, сироты! Голодали, вот и бледненькие. А острижены, чтобы вши не заводились. От этих подлых тварей Люди тифом болеют, страшной смертельной болезнью! Кстати, не выкай мне, сейчас это не принято! За такое к стенке поставить могут!

Я представил себя стоящим у стены на виду у всех... Да, неприятно...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Описывается дача Дерикера (Синёвой, дом Вавилова) – старый адрес: Участок № 3 в Царскосельском Отдельном парке. Новый – Московское шоссе, 27. Участок пожалован 10 апреля 1875 года врачу-гомеопату, надворному советнику Василию Васильевичу Дерикеру – лечащему врачу великих княгинь Марии Павловны и Александры Иосифовны, жены великого князя Константина Николаевича (младшего брата императора Александра Второго). Дом построен по проекту архитектора А.Х. Кольба. В 1905 г. значительно перестроен для Анны Родионовны Синёвой архитектором С. Данини.

С 1918 по 1922 год в доме располагался детский дом.

С 1926-го – дом Вавилова, Всероссийский институт растениеводства.

Царское Село официально переименовано в Детское Село (Урицкого) 20 ноября 1918 г. правительственным постановлением. Активное участие в организации здесь детских учреждений приняли А.В. Луначарский (Народный

комиссар просвещения), А.А. Луначарская (его жена), А.М. Коллонтай и др. советские гос. деятели. Всего в Детском Селе было размещено до 5000 детей-сирот. Название сохранялось до 1937 года. Затем город переименован в Пушкин (в честь столетия со дня смерти поэта).

Великий князь Константин Николаевич (1827–1892), второй сын императора Николая I, генерал-адмирал, руководитель морского ведомства и пр. Поскольку участь великого князя Константина была определена с малых лет – его готовили к военно-морской деятельности – он уже в 9 лет отправился в первое учебное плавание в качестве юнги. Пройдя все этапы обучения от юнги и рядового матроса до офицера, великий князь к 20 годам получил чин капитана 1-го ранга. На его счету к этому времени был уже целый ряд серьёзных морских экспедиций, в том числе вокруг Европы.

Глава 5

СКРЕПЛЕНИЕ ДРУЖБЫ

Клара замолчала, выжидающе глядя на меня. Я даже растерялся под её пристальным взором. Раньше-то я с себе подобными никогда не общался, в далёком детстве только, вот и не знал – завершать беседу или продолжать. Хорошо, что она опять взяла инициативу в свои лапки (кстати, на моём белом фоне коготочки лучше смотрелись, чем на её сером!):

– Теперь ты рассказывай! Из какой-такой девятиэтажки к нам пожаловал?

Я засомневался: выкладывать всё как есть или присочинить, чтобы не отпугнуть? Пред-

ставил себя на её месте... Наверное, лучше присочинить!

— Э-э-э, я с другого конца города! Есть там у нас такие высокие дома! К вам случайно забрёл: изучал окрестности, увлёкся и не заметил, как заблудился!

— А про год зачем спрашивал?

Да, тут сочинять было сложнее...

— Идти-то далеко! Потерял счёт времени!

Как ни странно, мои ответы дамочку вполне устроили. А может, она не страдала чрезмерным любопытством. Тут я вспомнил про сокровища и решил, что для скрепления дружбы очень уместно будет преподнести какой-нибудь подарок: брошку или браслет на талию...

— Клара, если ты проведёшь меня в подвал, то я покажу тебе нечто необыкновенное!

— Кладовую, что ли? Так я про неё знаю!
Мы там зимой столоваемся!

— Нет, я не про еду! Что-то совсем-совсем удивительное!

В чёрных глазках Клары зажглись огоньки, изменив их цвет на ярко-фиолетовый. Она развернулась и живо устремилась к дому, так что я едва за ней поспевал. Остановились мы возле незаметного постороннему взгляду отверстия в каменном поколе.

— Вот! — гордо произнесла моя знакомая. — Ещё мои прапрапра... лазейку прогрызли, с тех пор все наши пользуются!

Оказавшись в темноте, мы немного посторонились, привыкая, а потом я уверенно повел её за собой. Чтобы не потеряться, Клара держалась за мой хвост. А может, ей просто нужен был повод меня потрогать? Мы добрались до замурованной ниши, и я пригласил даму лезть первой — пусть поразится увиденным! Клара втиснулась в дырочку, и вскоре я был вознаграждён за щедрость восторженным визгом (девочка всё-таки!) и тоже забрался в «пещеру Алладина».

Моя знакомая увлечённо примеряла кольца, нацепляя их одно за другим на лапки, словно браслеты, а на её талии уже красовался золотой ободок с изумрудами. Вид у неё был такой счастливый, что я залюбовался: и серая крыса может превратиться в красавицу, если её принарядить!

Вдруг Клара остановилась и принялась стягивать с себя драгоценности.

— Ты чего? — удивился я.

Она деловито сложила снятые украшения отдельной горкой.

— Нельзя мне в них показываться! Отберут или обзавидуются и придётся делиться!

— Ну и что? Здесь же на всех хватит! — не понимал я её опасений.

— Простофиля ты! Никому про клад больше не рассказывал?

— Нет! Я тут только с тобой знаком! Ещё с мальчиком Колей!

— Вот и хорошо! Мальчику про это тоже знать не обязательно! Нужно вход замаскировать! Не ровён час кто-нибудь из наших пронюхает!

Клара суетилась, подгребая рассыпанные монеты и блестящие бусины к общей куче. Я помогал.

— Ладно, так и быть! Возьму одну жемчужинку! — не удержалась она и сунула в рот чёрный переливчатый шарик, отчего её левая щека слегка оттопырилась.

Покинув сокровищницу, мы завалили вход кирпичной крошкой и двинулись в обратный путь. Снаружи я услышал мальчишеские голоса.

— Барчук! Барчук! Офицерский сынок! — дразнили они кого-то. — Наши красные ваших белых всех поубивают! Буржуй недобитый!

Потом раздалось сопение, кряхтение — видимо, от слов мальчишки перешли к рукопашной. Я кинулся на звук борьбы, а Клара крикнула вслед:

— Кужа-ты? Затопшут! Или камнями зарошают!

Это она из-за жемчужины шепелявила, а понимать следовало так:

— Куда ты? Затопчут! Или камнями забрасывают!

Но я уже догадался, что обижают моего спасителя Колю, и отвага переполнила сердце!

Правда, вступиться мне не пришлось. К месту потасовки приковылял инвалид на деревянной ноге, и с его появлением драка прекратилась, а буяны убежали.

Коля всхлипывал, размазывая по лицу красную юшку, которая текла из носа. Мужчина вздохнул и погладил его по стриженой голове:

— Потерпи, сынок! Время такое! Озлобились люди друг на дружку! На-ко вот, утрысь! — он вытащил из кармана не очень чистый носовой платок и подал мальчику, а потом, вздыхая и что-то бормоча, поковылял назад.

Тут уж я не выдержал: подбежал к моему Коле и быстренько забрался к нему на плечо...

Глава 6

БЕДА

— **У**бегу! — вдруг твёрдо произнёс Коля, перестав шмыгать носом. — Зиму тут перезимую и убегу!

Я ужаснулся: он ведь такой маленький (по человеческим меркам), а мир такой огромный! К тому же я вспомнил слова Клары про голод и смертельные болезни, а тут ещё мальчишки кричали, что какие-то красные воюют с какими-то белыми!

Забыл упомянуть, что он снова отнёс меня под яблоню. Наверное, тут было его любимое место – дальний уголок сада, тихо, сквозь стволы и ветви деревьев дом казался причудливым сказочным видением. (Умер во мне поэт! Как пить дать умер!)

Я искренне пожалел, что ничем не могу помочь моему спасителю. Впрочем, почему ничем?! «Я могу собрать ему продукты в дорогу!» – осенило меня. Укромная ниша уже есть. Где кладовая, знаю. Осталось только на-таскать побольше! Хотя он такой худенький и слабый, что много не унесёт...

Тем же вечером я посвятил в свои планы Клару.

– Ты спятил?! Он же пропадёт! У вас на том конце города совсем, что ли, от жизни отстали?! В человеческом мире сейчас такая кутерьма творится! Слухи ходят, что Люди сотнями тысяч гибнут!

– Что же делать? – растерялся я. Мне совсем не хотелось, чтобы с Колей случилось несчастье!

Клара немного подумала.

– Ладно! Запас еды лишним не бывает! Когда начнём?

Я поразился её кипучей энергии и переменчивости настроения: минуту назад была решительно против и вдруг – «когда начнём?»!

Закралась приятная мысль, что Кларе нравится проводить со мной время. Правда,

вслед за ней претиснулась гадкая мыслишка, что причина в сокровищнице – ведь именно там я предложил устроить продуктовый склад! Однако ещё чуть-чуть подумав, я повеселел – какая разница, почему?! Главное – у нас появилось общее дело, которое обязательно укрепит нашу дружбу! Шагать по неизведанным страницам биографии в обществе хозяйственной и дальновидной Клары было как-то легче и безопасней! От её присутствия становилось теплее, как от солнышка, серого солнышка...

(Мой летописец опять остановился и с недоумением на меня уставился. Даже заметил суровым тоном – мол, тут мальчику беда грозит, а я про чувства расписываю. Может, он и прав... Но не виноват же я, что Клара стала неотъемлемой частью моего повествования?!)

Шли дни... Погода испортилась. «Бабье лето» растворилось в скучных тучах. (Не буду употреблять слово «серых», потому что с некоторых пор это мой любимый цвет!) Похолодало. Дожди размочили землю и превратили её в грязь, поэтому я старался реже высовываться на улицу, чтобы не утратить своей белоснежности.

Мы с Кларой окончательно подружились и даже вместе перебрались на жительство в «пиратскую пещеру», хотя в ней стало тесновато, когда к деревянному ящику с сокровищами и тому, что из него вывалилось,

добавилась гора картошки. К сожалению, никакой другой еды нам запасти не удалось: сдвинуть тяжёлую дубовую крышку ни с одной из бочек с солениями мы, как ни старались, не смогли (кто-то спросит, почему мы не прогрызли в них дырки? Отвечу — мы не варвары, чтобы портить столько предназначенных сироткам продуктов ради пары огурцов или листка капусты!), а круп в кладовой не держали. Видимо, не очень доверяли мышевкам...

Правильно делали, кстати! Клара показала, как добывать начинку и не попадаться: с помощью нехитрого устройства — веточки, которую мы заострили нашими замечательными крепкими зубами, — мы подцепляли хлебный катышек и вытаскивали «угощение» наружу! А картофелины мы укатывали, и этому тоже научила моя подруга. Я и не подозревал, что умею передвигаться на задних лапках, если передними что-нибудь качу!

С холодами и сыростью в детский дом пришла беда (а может, её принес кто-то из новеньких ребятишек), страшная болезнь — сыпной тиф. Всё-таки заразила кого-то гадкая вошь, и началась эпидемия! Теперь мы с Колей совсем не виделись: в каменной пристройке обосновался лазарет, а остальных детишек посадили на карантин и строго следили, чтобы они ни с кем не общались, а уж тем более —

с вредными грызунами! (Про эпидемию и карантин мне Клара разъяснила, сам-то я раньше не знал! А про вредных грызунов я для красного словца добавил, потому что мы с Колей всегда соблюдали строжайшую конспирацию! К тому же я не вредный, и насекомых во мне нет, и по помойкам не шастаю! Зачем, если есть кладовая?!)

Из самой большой печной трубы теперь валил дым, и я надеялся, что мой спаситель не мёрзнет, как мы с Кларой в подвале. Ещё я надеялся, что Коли нет среди заболевших. Потому что к той части дома почти каждый день подъезжал грузовик и туда складывали свёрнутые трубочками суконные одеяла. Лица Людей при этом становились сумрачными. Хотел спросить Клару, что такое они грузят, но она так строго на меня посмотрела, что я сам понял – тех, кто не выздоровел...

Наконец мрачный период закончился! Врачу – милой женщине с усталыми добрыми глазами – удалось отвоевать детишек у жестокого врага, хотя мы с Кларой ещё долго оплакивали потери, ведь больше горевать о сиротах было некому...

Радость победы над болезнью совпала с другой – выпал снег, и я снова мог гулять, не боясь испачкаться, а двор и сад наполнились гомоном весёлых детских голосов, которые твердили про ёлку и подарки. И только Коля твердил про побег...

Глава 7

ПАФНУТИЙ ЗНАКОМИТСЯ С ВАСЬКОЙ

Серо-белый кот с зелёной лапой, мой летописец, сердится, что я рассказываю не по порядку. Но событий произошло так много! Разве всё сразу вспомнишь?!

Вот, например, забыл поведать историю, как я с Васькой познакомился. Что же её теперь, пропустить?! Случилось это как раз во время карантина. Нужных лекарств в то время не было, поэтому с болезнью боролись чистотой. Весь дом и детишек мыли по десять раз на дню (преувеличиваю, конечно), а заодно объявили нам, грызунам, настоящую войну, считая нас источником заразы. (Мы то с Кларой не такие, а за остальных, увы, поручиться не могли.)

Капканов Людям показалось мало, вот и рассыпали они в тех местах, где обитали наши сородичи (близкие и дальние, то бишь мыши), отравленное зерно. И если бы не моя Клара, не сидел бы я сейчас тут!

(Летописец ухмыльнулся без всякого сочувствия! Говорит, что не пришлось бы пачкать лапу в зелёнке! Интересно, а кто ему тогда эликсир раздобудет?! Пушкин?!)

Мы, крысы, твари с интеллектом (Фаина Карловна нас так называла, та самая дама

со строгим лицом и зачёсанными назад волосами, заведующая детским домом), а вот мыши гибли от своей бестолковости десятками. И Васька чуть не отправился за ними на тот свет! А всё из-за своей лени! Здоровую юркую мышку попробуй поймай! Тут сноровка нужна и терпение! Вот он и увязался однажды за той, что отравы поела. Та шла медленно, попшатываясь, а кот обрадовался лёгкой добыче и чуть было её не слопал!

Вот не поверите! Жалко мне стало Ваську! Какое-никакое, а развлечение для детишек! Тем более, не зря же его так часто мыли... В общем, хоть меня Клара и отговаривала, а кинулся я к горе-мышелову и крикнул, чтобы не ел. Васька, как меня увидел, так оторопел, что даже про «лакомство» забыл! Вероятно, подумал, что я – особый зимний сорт грызунов! От удивления долго тёр себе глаза лапой. Я уж хотел было смыться, но рассудил, что нужно воспользоваться случаем и завести с котом если не дружбу, то хотя бы шапочное (то есть не очень тесное) знакомство.

Мышь к тому времени испустила дух, и Васька осознал, от какой опасности я его спас, а потому в качестве благодарности не стал на меня охотиться, а поинтересовался, почему я такого дивного цвета. Ну я ответил чистейшую правду, что являюсь представителем редкой породы и стою сногсшибательных денег. Хотя об этом я, наверное, зря

упомянул. Времена-то были тяжёлые, дефицитные, ещё вздумал бы меня кому-нибудь продать!

Впрочем, именно мой нестандартный окрас и позволил нам стать почти друзьями. Васька, по-видимому, решил, что с обычными серыми грызунами коту знататься не пристало, а вот с необычными – можно!

От нового знакомого я получил кое-какие дополнительные сведения о детском доме. Воспитателя-инвалида звали Петром Еремеевичем, а ногу он потерял в Перову мировую войну. Между прочим, был унтер-офицером и кавалером Георгиевского креста, которым награждали за особенную храбрость и военные подвиги, но об этом Васька сообщил мне по секрету, так как большевикам гордиться царскими наградами запрещалось, а Пётр Еремеевич числился как раз в них, то есть в «красных».

Ту женщину, которая отвесила моему Коле оплеуху и обвинила в воровстве, звали Зинаида. Она ведала кухней, кладовой и прачечной, но жила в городе, а сюда приходила работать. Ваське она тоже не нравилась – крикливая и недобрая.

Врач Лидия Михайловна лечила детишек сразу двух детских домов, а помогала ей девушка Шурочка. Обе крутились как белки в колесе, так как ребятишки были истощённые и в чесотке, да ещё эпидемии постоян-

но вспыхивали! (А в колесе, между прочим, не только белки крутятся, я тоже умею!)

Васька и про моего Колю знал (любил он разговоры подслушивать!). Оказывается, мальчик жил здесь на «птичьих правах» (это выражение Зинаиды). В отличие от сирот, собранных в детских колониях Царского Села, Колины родители были дворянами, а папа к тому же офицер, который или воевал, или погиб. А Колина мама однажды не вернулась домой...

Продукты в то страшное время выдавались только по карточкам, а бывшим «буржуям» они не полагались, вот и ходила она на блошиный рынок вещи на еду выменивать и как-то раз пропала. Фаина Карловна нашла Колю умирающим от голода: он на пороге дома своего сидел и маму ждал...

Заведующая сама привезла его из Петрограда, и в списках воспитанников он не значился. Чтобы кухарка не ворчала, Фаина Карловна предложила кормить мальчика из своего пайка. Она, конечно, предпочла бы сохранить происхождение ребёнка в тайне, но дети сами быстро догадались: очень уж Коля был вежливым, а в речи его проскальзывали иностранные словечки, вот и вызывал он у остальных классовую ненависть.

У Васьки я спрашивать не стал, а у Клары поинтересовался, что это за ненависть такая особенная. Выяснилось, что бедные терпеть

не могли богатых и наоборот. Получалось, что мой спаситель стал заложником сложной политической ситуации!

Ещё Васька пригласил меня на новогодний праздник, но я отказался — неизвестно ведь, как он и другие отреагировали бы на Клару, а без неё я пойти не мог! Поэтому за приготовлениями к веселью, а потом и за самим торжеством мы наблюдали издали, из нашей новой норки. (С наступлением зимних холодов пришлось нам покинуть сокровищницу и перебраться поближе к тёплому изразцовому камину, топка которого находилась в подвале, а сам он — в большом вестибюле, или прихожей, говоря «квартирным» языком.)

Сначала-то мы прогрызли отверстие в нижних половых досках и поселились в утеплителе — чёрном порошке (Клара сказала, что это шлак), а уж потом от любопытства проделали дырку в дубовом паркете. За стеной вестибюля располагался зал, который служил и столовой, и комнатой для игр, и учебным классом, так что мы и туда проделали отверстие. Теперь я часто видел моего Колю и очень переживал, что его не приглашают в общие игры. Впрочем, он и сам не просился...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Петроград — название Санкт-Петербурга в период с 18 (31) августа 1914 г. по 26 января 1924 г.

Георгиевский крест – знак отличия Военного ордена. Причисленная к ордену Святого Георгия награда для нижних чинов с 1807 по 1917 годы за боевые заслуги и храбрость. Св. Георгий являлся высшей наградой для солдат и унтер-офицеров. С 24 июня 1917 года мог вручаться также офицерам за подвиги личной храбрости по решению общего собрания солдат части или матросов корабля. С 1913 года в статуте закреплено официальное название – Георгиевский крест. До 1913 года, кроме официального, имел и другие, неофициальные, наименования: Георгиевский крест 5-й степени, солдатский Георгиевский крест, солдатский Георгий («Егорий») и др.

Глава 8 ПЕРЕМЕНЫ

Кстати, мы с Кларой не только наблюдали, но и помогли кое-чем!

Подслушал я как-то разговор заведующей с воспитателем. Оба сокрушились, что денег, выделяемых на детский дом, так мало, что едва хватает на покупку дров и скучных продуктов, а ребятишки ждут на Новый год чуда, хотя бы крошечного. Некоторые из малышей вообще никогда не встречали праздник у ёлки, потому что родились в тяжелую годину, когда Людям уж не до веселья было.

Колючее дерево Пётр Еремеевич со старшими мальчиками где-то раздобыли. В лесу, наверное. И теперь оно возвышалось зелёной горой в центре зала: огромное, чуть не до потолка, пушистое, пахучее... Чтобы оно

поместилось, пришлось отодвинуть ближе к стенам столы и скамьи. В Вовкины «апартаменты» такая ёлка не пролезла бы, поэтому родители наряжали маленьку, на вкус пластмассовую. (Мой летописец не верит! Ещё бы, он-то в квартире Новый год не праздновал, а мне довелось разочек. А... он не верит, что я хвойные иголки пробовал! Так я же не всё время в клетке сидел! Вовка меня каждый день погулять выпускал! Я, между прочим, и мишурой отведал. Её из меня еле вытащили, так что повторять не советую!)

Дети увлечённо мастерили для лесной гостиной украшения, даже хулиганить и драться стали меньше. Забыл сказать: изнутри «дворец» меня разочаровал. От былого великолепия почти и следа не осталось. Видимо, до того как здесь разместился детский дом, особняк безжалостно разграбили. Однако Фаина Карловна где-то нашла и раздала воспитанникам обрезки ткани, листы бумаги, похожие на старые письма, нитки и пару ножниц, и вскоре на колючих ветках повисли самодельные снежинки, снеговички и даже целые гирлянды из скреплённых между собой фигурок!

Опять чуть не забыл! Ваську с Кларой я всё-таки познакомил, чтобы он не нервничал, когда слышал шорохи по ночам, – это мы шастали по дому и делали добрые дела: утащили у мальчишек мешочек с табаком (или махоркой, как сказала моя подружка. Где они его

только достали?! У Петра Еремеевича небось спёрли!) и закопали глубоко в снег, чтобы никто не нашёл (курить вредно, это я как химик ответственно заявляю!), а заведующей подложили несколько золотых монет из нашего клада, чтобы она смогла купить детишкам новогодние подарки.

Уж не знаю, что там она подумала, когда обнаружила наш сюрприз, но деньги потратила с пользой: на праздничном столе к варёной картошке и соленьям добавились котлеты, а ещё каждому ребёнку раздали яркие леденцы на палочках и коробочки с ирисками.

— Вот, Клара, что я тебе говорил?! Теперь у детей настоящий праздник!

Клара умилялась, глядя из нашего укромного уголка на счастливые мордашки человеческих детей, но не разрешила мне пощертовать несколькими ожерельями, чтобы повесить их на ёлку — вот красотища бы получилась! Аргументировала какой-то ЧК, которая за такое к стенке поставить может. Тогда ни я, ни даже Клара не понимали истинного смысла этого выражения, кроме того, что означало оно что-то очень плохое...

Таинственная ЧК предстала пару дней спустя поздней ночью, когда детишек уже уложили спать и даже самые отъявленные хулиганы утихомирились и видели десятый сон. Предстала она в образе двоих мужчин в чёрных кожаных куртках, фуражках,

штанах-голифе (это мне Клара объяснила необычный фасон), чёрных высоких сапогах и с такими непроницаемыми лицами, что они тоже показались нам чёрными. Незваные гости были вооружены.

— Зачем им пистолеты? Они собираются кого-нибудь застрелить? — с опаской спросил я, подумав в первую очередь о нас с Кларой. Вдруг Люди обнаружили наши следы и поняли, что отравленное зерно не помогло?!

— У одного наган, у другого маузер! — со знанием дела пояснила Клара, не ответив на главный вопрос. Видимо, боялась того же, чего и я, но страха показывать не хотела.

Мрачного цвета была и машина, на которой чекисты подъехали прямо к парадному входу (про неё Васька рассказал, так как лежал на подоконнике и всё видел своими зоркими кошачьими глазами).

Фаина Карловна будто ждала ночных визитёров, потому что ничуть не удивилась. Она накинула пальто с потёртым каракулевым воротником, повязала на голову ажурную белую шаль, взяла сумочку и шепнула Петру Еремеевичу:

— Сберегите мальчика!

А потом ушла вместе с чужаками.

(К нашему с Кларой великому сожалению, «кожаные» незнакомцы хоть и ждали в вестибюле, но верхней одежды не снимали, а то бы мы понагрызли в ней дырок!)

Я сразу догадался, что речь идёт о моём Коле, и побежал его проводать. Спали дети тут же, в столовой. Дрова экономили, а потому топили только одну печь и в большой зал притащили топчаны изо всех комнат.

Пётр Еремеевич, постукивая деревянной «ногой», тоже направился в тот угол, где тихонько посапывал курносым носом мой спаситель. Воспитатель склонился над мальчиком, помедлил, о чём-то раздумывая, а потом тихонько тронул его за плечо и тут же приложил палец к губам – мол, никого не разбуди. Коля спросонья ничего не понимал, но не издал ни звука. Пётр Еремеевич что-то прошептал в маленькое ухо, но я не расслышал, так как боялся подобраться ближе.

Мальчик осторожно вылез из-под одеяла, чтобы не потревожить соседа (для тепла дети спали по двое и одетыми), и на цыпочках отправился вслед за воспитателем к выходу. Я спешил за ними, подозревая, что в нашей с Колей жизни наступают какие-то перемены...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

ЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР, была создана 7 (20) декабря 1917 г. Упразднена 6 февраля 1922 г. с передачей полномочий ГПУ при НКВД РСФСР.

От сокращения «ЧК» произошло слово «чекист».

Глава 9

ПРОЩАНИЕ

Вестибюле Пётр Еремеевич велел Коле выбрать из сваленных там горкой детских пальтишек самое тёплое. Я понял, что он собирается куда-то увести мальчика, а потому испугался — ведь у Коли, кроме меня, не было никого, кто бы о нём позаботился!

Я шмыгнул в норку. Моя умница Клара обо всём догадалась без слов. Она вручила мне жемчужину, которую так и носила за щекой, выплёвывая только на время еды или затяжной беседы, и торжественно произнесла:

— Береги себя, а я буду беречь наших детишек и сокровища и ждать твоего возвращения!

(Тут летописец опять на меня вытаращился. Каких детишек? Наших с Кларой... Правда, на тот момент ещё не родившихся... Хм... он думает, что именно поэтому не следует удивляться, что существуют крысы в пятнах! А что... Может, он и прав...)

Мы крепко обнялись.

— Кларочка, а картошку-то придётся вернуть! Кончается она у них! — смахивая слезу, напомнил я.

— Без тебя знаю! — сердито ответила моя подруга и вытолкала меня из норки.

Коля как раз застегнул последнюю пуговицу и нахлобучил шапку-ушанку, под которой исчезла не только его стриженая голова, но и вся верхняя часть лица вместе с глазами. Пётр Еремеевич рылся в небольшой кучке разномастных башмаков и валенок, придиличиво выбирая те, что поцелее и потеплее (из-за того, что обуви на всех не хватало, в холодное время ребятишки гуляли по очереди).

Воспользовавшись тем, что воспитатель на нас не смотрит, я подбежал к Коле и привычным маршрутом забрался к нему за пазуху. Он меня ещё и в макушку успел чмокнуть.

На улице было морозно. Я определил это по хрусту снега. Жаль только, не видел, куда мы направляемся. Зато слышал разговор.

– Пётр Еремеевич (Коля называл воспитателя по имени-отчеству, хотя все остальные детишки обращались к инвалиду просто – «дядя Петя»... Даже не так, а «дядь Петь»), я хотел бы попрощаться с Файнай Карловной!

Удивительный мальчик! Нет, чтобы поинтересоваться, куда его ведут среди ночи?!

Пётр Еремеевич тяжело вздохнул и ответил странное:

– Я бы тоже хотел, сынок!

(Поначалу меня вводило в заблуждение это «сынок», ведь так говорит обычно отец

своему ребёнку, но потом я понял, что воспитатель всех мальчиков в детском доме так называет, а девочек — «дочка», чтобы ласково и чтобы дети чувствовали его любовь, даже самые хулиганы...)

Коля долго молчал. Видимо, раздумывал над ответом Петра Еремеевича. Потом неуверенно сказал:

— А вы мне адрес дайте, куда идти, я сам доберусь! А то ведь вам по снегу тяжело!

— Ничего, сынок, тут недалеко!

И правда, вскоре они остановились, и я услышал осторожный стук то ли в дверь, то ли в ставни. По дереву, в общем. В доме отозвались не сразу. У Коли замёрзли ноги, и он притопывал валенками (большими, не по размеру). Наконец раздался скрип, а потом и девичий голос, по которому я узнал Шурочку, помощницу врача:

— Кто там?

Разглядев поздних гостей, она пустила нас в дом. Разговаривали взрослые шёпотом.

— Беда у нас, дочка! Файну Карловну арестовали.

Шурочка ойкнула, но потихоньку — видимо, поблизости находились чужие уши.

— Завтра небось с проверкой придут, а мальчионка-то у нас не числится.

— Неужели по доносу?!

— Всяко может быть! Времена нынче такие: лес рубят — щепки летят!

При чём тут лес и щепки мы с Колей не поняли, а Шурочка, судя по всему, догадалась, потому что спросила:

– Чем я могу помочь?

– Тут адресочек мамы моей в Питере. Отвезти бы его туда, а? Ты ведь за лекарствами поедешь?

– Хорошо! Шоффёру скажу, что племянник мой. А насчет Фаины Карловны... Может, письмо отправить Луначарскому? Я тоже подпишу, если надо!

– Обязательно напишем! И до Ленина дойдём, если потребуется! Ты, главное, мальчишку до места доставь!

Дверь снова скрипнула, выпуская Петра Еремеевича...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Луначарский, А.В. (1875-1933) – российский революционер, советский государственный деятель, с октября 1917 г. по сентябрь 1929 г. – первый народный комиссар просвещения РСФСР.

Ленин, В.И. (1870-1924) – российский революционер, советский государственный деятель, создатель Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), один из главных организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 г. в России, первый председатель Совета Народных Комиссаров (правительства) РСФСР.

Глава 10

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

Нам повезло — моё присутствие осталось незамеченным, потому что в доме было холодно и раздеться Коле не предложили. Шурочка устроила мальчика возле самой печки, чуть тёплой, так как дрова давно прогорели, а новых не подкладывали, берегли. Но надеюсь, мой спаситель не мёрз, ведь на его груди был горячий компресс, то есть я.

Коля тут же уснул, даже не попил принесённого девушкой кипятку с вареньем. Я тоже задремал и во сне увидел Кларочку. Она сидела на вершине горы из самоцветов в бриллиантовой диадеме, а вокруг неё примостились нарядные малыши — наши детки: сereнькие и беленькие.

— Коля, Коля, просыпайся! — потребовала вдруг Клара и помахала мне лапкой, на которой красовалось кольцо с большим изумрудом.

Я огорчился, что она так быстро забыла моё имя. Неужели права поговорка: «С глаз долой — из сердца вон»? К счастью, тормозила нас Шурочка, и я тут же простил мою подружку. От завтрака мне перепал кусочек хлебушка. Впрочем, переживания за непонятное будущее заглушали чувство голода и я наелся даже маленькой порцией.

Коля вежливо поблагодарил за угощение (от нас обоих, потому что я не решился раскрыть тайну моего присутствия), и мы снова вышли на мороз. Даже через плотную ткань пальто мне было видно, что на улице ещё темно. Возле входа громко фырчала машина. По звуку я догадался, что это та самая, что раз в месяц приезжала к нам во двор и привозила всякие вещи для детского дома: книжки, тетрадки, одежду, а иногда новых ребятишек.

Внутри оказалось ничуть не теплее, чем снаружи, и я почувствовал, что Коля начинает мелко-мелко дрожать, а потому стал ёрзать под пальто, чтобы согреть мальчика, и он тихонько захихикал.

— Что за малец?

Мужской хриплый голос принадлежал, наверное, водителю.

— Да племянника нужно в Питер отвезти, погостили у нас и хватит! — бодро ответила Шурочка.

— Как звать-то тебя, малой?

Это шофер уже к нам назад повернулся.

— Николай! — чинно представился Коля.

— Ух ты! Колян, значит! А я Тимофеич!

Водитель оказался балагуром и всю дорогу нас развлекал. Шурочка, которая поначалу опасалась, что ребёнок сболтнёт лишнее, поняла, что Коля — умный мальчик, и расслабилась, смеясь шуткам. У меня от избыточного

веселья даже в боку закололо, и жемчужина изо рта чуть не выкатилась, хотя уразуметь, что имел в виду Тимофеевич, я так и не смог. Поэтому всех его прибауток не запомнил, лишь некоторые: «Мы на горе всем буржуйям мировой пожар раздуем!»; «Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй!»

Шурочка назвала Тимофеича знатоком поэзии, раз он цитирует Блока и Маяковского (я фамилии этих поэтов на корешках книг в Вовкиной квартире видел и не подозревал тогда, в какой диковинной обстановке услышу их сочинения!). Коля прыснул лишь раз, когда шофер весело и беззлобно произнёс: «Советская власть, а какая в ней сласть?» И, оборотясь назад, подмигнул мальчику (я едва успел спрятать мордочку обратно в пальто).

В памяти возникло лицо Вовиной мамы и как она, утирая выступающие от смеха слёзы, говорила: «Что-то много хохочу, как бы не пришлось плакать!» В тот момент всё и случилось! Раздался визг тормозов, и от резкого толчка я и Коля, точнее, Коля вместе со мной свалился с сиденья на пол, а Тимофеич сказал что-то длинное и замысловатое.

Послышались грубые возгласы, несколько выстрелов (от которых у нас заложило уши, а потом в них ещё долго тоненько звенело), и машина снова рванулась с места. Только

вёл её другой – молодой парень разухабистого вида: матросский бушлат нараспашку, но под ним не тельняшка, а рубашка с косым воротом, на голове большая кепка, из-под козырька – русый чуб, во рту зубы золотом сияют (у меня даже мелькнула мысль – уж не ограбил ли он мою Кларочку?!). Рядом, там, где всего минуту назад сидела Шурочка, водрузился ещё один, по виду такой же бандит, только весь в чёрной коже, как чекисты, что арестовали Файну Карловну.

Налётчики гоготали и что-то весело обсуждали. Однако употребляли они сплошь незнакомые слова, так что воспроизвести их беседу не смогу. Понял одно – некий Ванька останется доволен.

– Оп-па-на! – вдруг раздалось над самой макушкой. – Гляди-ка! Малец!

Меня охватила паника – обнаружили!!!

– Что, безотцовщина дырявая, в Питер намылился? Считай, довезли тебя, домчали с ветерком! А теперь – пшёл вон!

«Пойти вон» было не так-то просто: сначала пришлось подняться тому, кто нас заметил, одеждой похожему на чекиста. Он вылез из машины и вытащил Колю за шиворот через просвет между передними сиденьями (я крепко вцепился в моего спасителя). Бандит протянул руку за шапкой-ушанкой, но тот, первый, окликнул: «Ладно, оставь, замёрзнет пацан!» И машина, окатив нас клубами

ядовитого сизого дыма, скрылась в какой-то подворотне между высокими домами (хотя и намного ниже моей девятиэтажки).

Свершилась Колина мечта – он покинул детский дом. Пусть и не так, как планировал, и даже не так, как думал я, заготавливая для побега картошку...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Блок Александр Александрович (1880–1921) – русский поэт. Памятное место в Петербурге – музей-квартира на ул. Декабристов, дом 57.

Строчки «Мы на горе всем буржуям...» взяты из поэмы «12», написанной А.А. Блоком в январе 1918 года.

Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930) – русский и советский поэт, драматург, сценарист.

Двустишие «Ешь ананасы...» написано В.В. Маяковским в сентябре-октябре 1917-го.

Глава 11 В ПЕТРОГРАДЕ

Повалил снег, быстро превратив Колю в белый столбик, а он всё стоял на одном месте. Видимо, его план побега так далеко не простирался. А может, ему времени не хватило, чтобы всё как следует обдумать. Бежать-то он собирался весной!

Я высунулся в прореху между полами пальтишка и посмотрел на мальчика.

— Знаешь, кто это был? — возбуждённо проговорил Коля. — Люди из банды Ваньки Белки! Я слышал, как в детдоме про них говорили. Будто держат Петербург и окрестности в страхе! Автомобили забирают и вообще произвольничают, так что нам с тобой повезло, что маленькие!

Вероятно, за словом «произвольничают» скрывались ужасные вещи, которые произошли с Шурочкой и водителем-балагуром Тимофеичем...

Коля наконец принял какое-то решение и уверенно зашагал по улице. Я с интересом разглядывал дома, совершенно непохожие на мою девятиэтажку и даже на деревянный особняк, оставшийся в Детском Селе. Эти точно были дворцами: с колоннами, причудливыми лепными украшениями... Жаль, из-за снегопада не удавалось рассмотреть их получше.

Впереди показалось небольшое скопление народа. Все внимательно слушали молодого человека в длинном пальто, не по сезону тонкому, и без головного убора, так что волосы его уже густо покрыло белым. Из тёплых вещей на нём был только длинный вязаный шарф, несколько раз обмотанный вокруг шеи. Юноша крепко держался одной рукой за чугунный фонарный столб, на тумбе которого стоял, а другой яростно жестикулировал — видимо,

чтобы компенсировать недостаточную громкость охрипшего голоса.

Мы остановились, и Коля шепнул:

— Это митинг, а тот, кто выступает, — оратор!

Из длинной речи я понял лишь, что молодой человек убеждал собравшихся срочно перейти от слов к делу и выполнить обещание о передаче земли крестьянам. Сам он при этом больше походил на студента. Впрочем, и слушатели ничем на напоминали сельских жителей. Возможно, поэтому многие из них уходили, разочарованно ворча: «А-а-а, эсер! Лучше бы сказал, где хлеба достать!»

Землёй мы с Колей не располагали и продолжили путь.

Возле продуктового магазина с надписью «ХЛЕБЪ» стояла извилистая очередь. Её конец терялся где-то вдалеке, за снежной завесой. Люди шушукались, переживая, будут сегодня «отоваривать» карточки третьей и четвёртой категорий или опять нет, и если нет, то куда бежать и где искать справедливости. Другие Люди тут же сердито отвечали, что это «категории» буржуазных тунеядцев и бездельников, которые вообще не должны тут находиться, а топать на «чёрный рынок» и сбывать там награбленное у трудового населения.

Ещё нам попалась барышня, которая громко декламировала стихи, не обращая внимания на отсутствие слушателей и облепивший её

снег. Возле неё мы тоже задержались. Не знаю, как Коле, а мне понравились строчки про пса безродного и шелудивого. К тому же там было про выюгу и хлёсткий ветер. (Они и в жизни разгулялись не на шутку!) Потом вдруг раздалось знакомое: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!» И я вспомнил Шурочку и её слова: «Это Блок!» Говорилось и про бандитов, и даже про Ваньку (уж не того ли самого?!). Коля замёрз и потопал дальше, так что я не узнал, чем закончилась поэтическая история.

Пробираться то мимо очередей, то сквозь митингующих нам пришлось не раз. Каждый оратор агитировал за что-то своё: кто за мир любой ценой, кто за войну до победного конца. Я не понимал, как Люди определяли, за кем следовать, только всё больше осознавал, в какое сложное и тяжёлое время метнула меня судьба-злодейка, прикинувшаяся сладким эликсиром!

Коля остановился перед подъездом трёхэтажного дома. Хотя «подъезд» – это я по старой «послереволюционной» привычке. Над крылечком в две гранитные ступени возвышалась высоченная дубовая дверь с резными выпуклыми узорами, над ней нависал кованый козырёк, а по бокам прилепились белые колонны. Красоту портили две широкие доски, крест-накрест прибитые к створкам, так что войти мы не смогли. Такими же досками были заколочены окна.

Коля присел на верхнюю ступеньку.

— Вот, Белыш! (Это он для меня такое имя придумал.) Здесь я раньше жил.

Видимо, мы добрались до того места, куда он собирался бежать. Наверное, надеялся встретить кого-нибудь из родственников или знакомых. Мне стало грустно, что ничем не могу помочь мальчику.

— Нужно попасть на фронт! Там папа! — вдруг решительно заявил Коля, и я восхитился его мужеством.

У меня бы не хватило смелости лезть в самое пекло! А ведь придётся — одного Колю я не отпущу! Знать бы только, как выглядит «фронт» и в какую сторону нам идти...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Банда Ивана Белова (Ваньки Белки) — крупная и жестокая банда, действовавшая с 1918 по 1921 год в Петрограде и окрестностях.

Эсеры — партия социалистов-революционеров. Программа была озвучена на съезде ПСР в 1906 году. Политическая демократия и социализация земли (передача крестьянам) без права купли-продажи были основными требованиями эсеровской программы-минимум.

В июле 1918 г. Петроградский комиссариат продовольствия ввёл дифференцированный «классовый» паёк для различных групп населения. Так, к 1-й категории (с наибольшим размером «проднормы») были отнесены рабочие тяжёлого физического труда, ко 2-й — остальные рабочие и служащие по найму, к 3-й — лица свободных профессий

(журналисты, художники, артисты и др.), к 4-й – «нетрудовые элементы» (буржуазия, собственники крупной недвижимости и т.п.) В осенние месяцы 1918-го и зимой 1919-го, когда поступления продовольствия в город были минимальными, выдача продуктов по карточкам 4-й, а иногда и 3-й категории периодически прекращалась.

Глава 12

В ПУТЬ

Положение, в котором мы с Колей оказались, поставило бы в тупик даже взрослого человека, что уж говорить обо мне, белом крысюке, пусть и занимал я в прошлом ответственную должность! Но Коля (вот удивительный ребёнок!) встал со ступеньки, отряхнулся от снега и зашагал прочь. Оглянулся на дом только раз, перед поворотом на другую улицу.

Мимо нас с песней маршировал отряд. Из-за спин у Людей торчали длинные винтовки с острыми, недобро поблескивающими штыками. Лица были такими серьёзными, что сразу стало понятно – бойцы идут на фронт! Это подтверждали и грозные слова:

*Вихри враждебные веют над нами,
Тёмные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас ещё судьбы безвестные ждут...*

Мы увязались следом, но скоро отстали – не получалось у Коли передвигаться так же быстро в своих больших валенках. Однако слаженный хор голосов доносился сквозь метель и помогал не терять направление:

*Но мы подымет гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу...*

Ещё один отряд нагнал и обогнал нас:

*На бой кровавый,
Святой и правый
Марш, марш вперёд,
Рабочий народ.*

Значит, шли мы правильно! Вот только мой маленький спаситель хмурился, провожая красноармейцев глазами, ведь они собирались воевать с его папой...

Следуя за поющими отрядами, мы добрались до железнодорожного вокзала, а там народу – не протолкнуться. Я испугался, что мальчика затопчут, а с ним и меня. Так развелновался, что чуть не проглотил жемчужину – весь наш оборотный капитал! (Поясняю для тех, у кого нет экономического образования: жемчужину можно продать или обменять на что-нибудь жизненно важное, когда наступит «чёрный» день. Тут,

главное, с цветом не ошибиться! А то растряни-
рим средства раньше времени!)

Рядом раздался истошный вопль – какая-то тётка призывала купить пирожки с кислой капустой. Аппетитный запах из холщовой торбы, что стояла у её ног и высотой до-стигала Колиной груди, волной накатил на мой обонятельный орган, то бишь розовый нос, и я не выдержал – совершил правонарушение. В тот момент, когда мой спаситель замер, вдыхая волшебный аромат, а торговка высоко задрала голову, чтобы перекричать вокзальный шум и голоса конкурентов, я нырнул в пирожковый рай и цапнул верхний экземпляр.

Коля вытаращил глаза (вероятно, его дворянское происхождение не одобряло противозаконных действий), схватил меня обеими руками (вместе с добычей, с которой я не расстался бы теперь даже под угрозой стенки) и кинулся бежать, тараня шапкой-ушанкой гудящую толпу.

Тётка провожала пронзительным визгом:
– Держите вора!

Кто-то перегородил дорогу и схватил Колю за грудки, приподняв над грязным перроном, но я впился в ближний ко мне палец крепкими жёлтыми зубами, и от нас тут же отцепились. К визгу торговки добавились вопли укушенного, как будто я ему руку отгрыз, ей-богу! (Всё же у меня сокровище за щекой – рот широко не откроешь!).

Страх возможного преследования словно окрылил моего спасителя и придал сил, так что неожиданно мы пробились к самому краю платформы, окутанной клубами пара от пыхтящего паровоза. Не задумываясь, мы нырнули в молочный туман, перелезли между железными колёсами через рельсы и выбрались с другой стороны эшелона. (То есть проделал всё это Коля, а я сидел за пазухой, охраняя пирожок.)

В узком пространстве между составами мы по-брратски поделили добытый нечестным способом завтрак и задумались над нашей дальнейшей судьбой.

Пассажиры заполнили поезд до отката. Самые отчаянные заняли даже крыши и сцепки вагонов. Кондукторы тщетно свистели и пытались прогнать «зайцев»: убежав, они тут же возвращались на облюбованные места. Но вряд ли галдящая людская масса стремилась попасть на фронт. Скорее, она пыталась подальше от него уехать. Так что наши взоры обратились к товарняку на соседнем пути, на стенках которого белой краской было написано «ТЕЛЬСТРОЙРОТА».

Что обозначало загадочное слово, мы не знали, но «рота» звучало по-военному, и мы двинулись вдоль эшелона в поисках лазейки. Третий по счёту вагон оказался конюшней — вместо сплошной стены у него были деревянные перекладины, а поверх досок на нас

дружелюбно смотрели заиндевелые кони, пофыркивая и потряхивая гривами. От лошадей тоже шёл пар, оседая на мордах сливочной пенкой и удлиняя и без того роскошные ресницы. (Мне даже завидно стало, честное слово!) Пол устилала солома. Она же, свёрнутая большими тюками, занимала половину внутреннего пространства. Это мы позже разглядели, когда туда забрались.

Коля зарылся в сено поглубже и вынул меня из-за пазухи. Он серьёзно посмотрел в мои рубиновые глаза и сказал:

– Обещай, что мы найдём папу!
Я пообещал...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Песня является русским переводом «Варшавянки» Вацлава Свенцицкого. Автором русского текста считается Г. М. Кржижановский, а временем его создания – пребывание Кржижановского в Бутырской тюрьме (1897). Текст публиковался, начиная с 1900 года. Массовое распространение песня получила во время революции 1905 года.

Глава 13 СНОВА НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Лошади сначала с подозрением косились на непрошеных попутчиков, то есть нас, но, убедившись, что мы не покушаемся

на их продуктовые запасы, успокоились. Одна даже подошла и потрогала Колину ладошку губами, на вид очень мягкими. То ли знакомилась, то ли надеялась обнаружить что-нибудь вкусненькое. (Мы и сами бы не отказались, так как украденное и быстро съеденное мучное изделие только растревило аппетит.)

Меня тоже хотела потрогать, но я уклонился от нежностей: уж слишком огромный зверь, хоть и с добрыми глазами. К тому же от меня пахло пирожком — ещё перепутала бы по недомыслию! Впрочем, по телевизору мне рассказывали, что кони, как и крысы, очень умные. «Твари с интеллектом», — сказала бы Фаина Карловна.

От пережитых волнений мы уснули. Во сне голод отступил, но не перестал воздействовать на мой большой мозг. Приснилась Кларочка, такая же нарядная, как и прошлый раз. Она крутила в изящных лапках картофелину, выбирая, куда бы вонзить острые зубки. Я возмутился:

— Кларочка! Мы же договорились вернуть картошку детям!

— А этих я чем кормить буду? — возразила моя подружка, и тут я опять увидел рядом с ней несколько красивых малышей, сереньких и беленьких. (Почему-то даже во сне мне не приходило в голову, что наши карапузыки могут получиться пятнистыми!) Они вгры-

зались в корнеплоды, весело чавкали и задорно поблескивали рубиновыми глазками (в меня!).

— Кларочка, не разрешай им чавкать! Это неприлично! — попробовал я вмешаться в сложный процесс воспитания потомства.

— Фыр-р-р-р-р! — ответила моя подруга и исчезла вместе с детишками и картошкой, а на их месте возникла темнота.

— Фыр-р-р-р-р! — сказала она и коснулась моей щеки мягкими губами.

Я не успел выяснить, как губы могут существовать отдельно от остальных частей тела, потому что проснулся. Прямо надо мной нависла коричневая морда, и я понял, что при желании (её, конечно, не моё!) мог бы поместиться в конском рту целиком.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, и я видел в каждом глазу по одинаковому силуэту. Он показался смутно знакомым. Пригляделся и ахнул — это же я! Появилось чувство, будто меня уже проглотили, даже пришлось себя ощупать.

— Тебе чего? — не выдержал я затянувшегося молчания.

Но коняга не ответила, вытащила из-под меня пучок соломы, словно именно там она была самой вкусной, и медленно скрумкала огромными желтоватыми зубами. (Оказывается, мы схожи не только интеллектом, но и прочной эмалью!)

— Ух ты! Уже едем! — воскликнул Коля.

Загипнотизированный процессом поедания сена, я даже не заметил, когда мой маленький спаситель проснулся. Как и того, что эшелон действительно лязгал колёсами! Вот почему кобыла промолчала — не услышала из-за шума! Голосок-то у меня тонкий! А возможно, просто не поняла, что я сказал. Жемчужина за щекой мешала говорить членораздельно, и если бы меня спросили: «Теё шего?» — я бы тоже не ответил.

Снег лихо проносился мимо. Какая-то его часть успевала залетать в вагон, и лошади равнодушно взирали, как возле стены вырастает сугроб. (Забыл сказать, что было их четыре и внешностью они не очень-то напоминали тех скакунов, которых мне показывали по телевизору, — эти поражали богатырской мощью и какой-то особой лохматостью ног.)

От ритмичного покачивания клонило в сон. Я опять забрался к Коле за пазуху, подальше от конских зубов, и мы задремали.

— Что за гость дорогой не нашёл дороги домой?

Звонкий голос принадлежал здоровенному детине в тулупе. Железные колеса не гремели, а значит, мы больше никуда не ехали.

Коля встал во весь росточек (аккурат чуть выше бедра оказался!) и запрокинул голову, чтобы видеть, с кем разговаривает:

— Здравствуйте! Это уже фронт?

Детина закашлялся и произнёс какую-то полную чепуху:

— Кхы-кхе-кхы! Вот тебе, бабушка, и си-тец на порты!

Честно говоря, я даже подумал, что он не вполне умственно здоров.

Но Коля ждал ответа, и незнакомцу пришлось собраться с мыслями, какие имелись в наличии. Получилось всё равно плохо.

— Ну дела! Это где ж тебя такого мама родила?

— В Санкт-Петербурге! — серьёзно отозвался мой спаситель.

В глазах парня появилось странное выражение:

— Эвона как! Далеко забрался да не заплутался! Знать, силён наш бобёр, что на ворога попёр!

Я отчаялся что-либо понять из его речей. Надо же, как не повезло с собеседником!

Детина легонько подтолкнул Колю к выходу. Сначала спрыгнул сам и протянул руки. Мальчик доверчиво шагнул вперёд, и мы снова оказались на твёрдой земле...

Глава 14

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

Поезд стоял в чистом поле. Ну... не совсем так, конечно. Чуть дальше от нашего вагона-конюшни начиналась платформа. В небольшом здании вокзала приветливо светились окошки.

Снег прекратился, а тот, что упал на землю, быстро превращался в грязное месиво. Вокруг нас кипела работа: из вагонов выгружали гигантские катушки (только обмотаны они были не нитками, а толстой проволокой) и длинные деревянные столбы (точно такие стояли вдоль железнодорожных путей), по специальным настилам выкатывали подводы и выводили наших знакомых — лошадей богатырского телосложения.

Детина отвёл нас в станционный дом с деревянными колоннами у высокой входной двери и передал смотрителю — сухонькому старичку в тёмно-синем кителе и фуражке с блестящей кокардой (Кларочек бы понравилась!).

— Вот, дедок! Обограй дитё, пока не вернусь!

(Ага! Значит, умел нормально разговаривать!)

Миновав большой зал с широкими скамьями вдоль стен, мы оказались в уютной

комнате, где топилась печь в белых изразцах. На круглом столе, покрытом чистой льняной скатертью, попыхивал изогнутым носиком медный чайник, видимо, только что вскипячёный, а над стаканом из толстого гранёного стекла в ажурном подстаканнике вился парок. Рядом, на фарфоровом блюдце, лежали изящные серебряные щипцы и кусок сахара с неровными краями, совсем непохожий на привычный мне рафинад.

После поездки в открытом всем ветрам вагоне обстановка показалась нам сказочной, а дедок — настоящим волшебником. Особен-но, когда он ловко разломил сладкий осколок щипцами и хитро подмигнул — мол, видели фокус-покус?

Я подобного точно не видел, а потому забыл об осторожности и высунулся из пальто чуть дальше обычного. Коля быстро запихнул меня обратно, но старик уже приметил мою чудную белую мордочку с рубиновыми глазками, потрясающими усами и... В общем, спросил удивлённо:

— Кого ж ты там прячешь, мил-человек?

Коля вздохнул и вытащил меня наружу. Я хотел было изобразить приветливую улыбку, но вспомнил про жемчужный шарик и лишь плотнее сомкнул губы, поэтому ста-ционный смотритель вряд ли определил, что я рад знакомству.

— Это Белыш!

— Контрреволюционер, значит! — строго произнёс дед, и если бы не лукавый огонёк в его глазах, я бы испугался пресловутой стенки.

Коля, однако, шутки не поддержал, ответил с достоинством:

— Он мой друг!

Старик наклонился и рассмотрел меня внимательнее.

— Поди ж ты! Никогда таких не видел!

Он достал из резного дубового буфета ещё один стакан и налил в него кипятку.

— Сахар-то как любишь: вприкуску аль вприглядку?

Коля скромно пожал плечами:

— Я и без сахара могу. Если только Белышу маленький кусочек...

— О друге заботишься? Молодец! Да ты раздевайся! Упрел, поди!

Мой спаситель снял шапку и пальтишко, положил рядом с собой на скамью и аккуратно усадил меня сверху.

Станционный смотритель опять залез в буфет, и на столе появилась тарелка с гречишными оладьями.

— Вот, откушай! Голодный небось!

Коля отломил кусочек от своей оладушки, и я забрался в рукав пальто, чтобы без свидетелей достать изо рта сокровище и насладиться угощением.

— Красиво у вас! — вежливо сказал мальчик, прожевав тугую оладью.

— Да вот, из барского дома стол и буфет притащили, успели до погромов. Сейчас от усадьбы одни головешки остались, — стари-чок горестно вздохнул. — А ты как к телеграф-ным-то приился? — неожиданно сменил он тему беседы.

— Каким телеграфным? — растерялся Коля, да и я высунулся из рукава, чтобы как следует расслышать ответ.

— Телеграфно-строительная рота! Сейчас на запасном пути пока постоят, линию повре-ждённую нам восстановят и дальше поедут обрыв искать. Так вдоль всей нашей железной дороги до Великих Лук и передвигаются. Как увидят неполадок — останавливаются и чи-нят! Видали, кони какие? Тяжеловозы, битю-ги воронежские! Только такие и могут с этой тяжестью управляться! Столб повреждённый убрать да новый поднять — знаешь, сколько человек надо? А где их взять?! Все ж воюют! А так — зацепят одним концом верёвку за столб, другим за коня и тащат! — охотно пояс-нил смотритель и хитро прищурился:

— Да ты, никак, детдомовец беглый? Вон одёжка-то на тебе казённая! Что, плохо на го-товых харчах? Или харчи худые?

Коля насупился.

— Мне на фронт надо!

— На фро-о-онт! — протянул стариик. — Да у нас тут, почитай, самый фронт и есть! То поляки, то немцы, то белые, то красные, то

банды! Только не для детей это! Ты уж лучше с телеграфными...

Глава 15

ПОБЕГ

В уютном тепле печки и свете керосиновых ламп совсем позабылось о ветреной холодной темноте снаружи. Была бы моя воля, я бы тут задержался — бывший барский буфет ждал своего исследователя! Однако неумолимые законы военного времени требовали оперативности, поэтому «телеграфные» покончили с разгрузкой быстрее, чем я надеялся.

Говорящий загадками детина вновь возник на пороге, принеся на длинном тулупе зимнюю стужу. Жаль, что он про нас вспомнил! Ехал бы себе — связь налаживал! А н нет, притащился, нарушил идиллию!

Парень обвёл комнату весёлым взглядом и остановился на мне.

— Это что за белогвардеец? — воскликнул он, и я обречённо подумал, что если из-за моего редкого окраса каждый встречный будет считать меня контрреволюционером и врагом Советской власти, то добром дело не кончится!

— Это Белыш! — ответил за Колю старичок.

— Вот и я про то, да не слушает никто! — опять заговорил детина рифмой. — А что,

дедок, нет ли в округе приюта для мальца-удальца?

— Несколько вёрст отсель, в Усадище, бывшем имении помещиков Философых, детский дом ныне располагается, — охотно сообщил смотритель, и тут же мне разонравился.

Коля нахохлился, упрямо поджав губы. «Телеграфный» вздохнул:

— Ты пойми, нельзя тебе с нами! Кабы лето, а то ж мы тебя сейчас не сбережём, застудим!

— А я с вами и не хочу! Мне на фронт!

Старичок всплеснул руками:

— Вот, поди ж ты, упёрся! Ты с кем воевать-то собрался?

— Ни с кем! Мне к папе нужно!

— Да где ж ты его найдёшь?!

Коля молчал. Не было у нас с ним ответа на этот вопрос!

— Значит так! — решительно заявил парень. — Ты, дед, приюти малого на ночь, а я договорюсь, чтобы утром из деревни подводу прислали, отвезут его в Усадище, не с собой же таскать!

Он строго взглянул на Колю, но я сразу понял, что строгость его показная, чтобы обра-зумить мальчика и заставить поступать так, как хотят взрослые. Коля демонстративно отвернулся, так что обошлись без прощальных слов. Дверь хлопнула, а старик почему-то сразу перешёл на шёпот и прошёлестел:

— Вот и договорились, вот и славно, вот и укладывайтесь спать!

Он расстелил на широкой скамье Колино пальтишко, вместо подушки подложил шапку-ушанку, а сверху накрыл своим кителем. Потом загасил одну из керосинок, и комната погрузилась в полумрак.

Я лежал рядом с моим спасителем и думал о буфете, а точнее — о двух оставшихся гречишных оладьях, что исчезли за его дверцами. В мыслях о еде не заметил, как уснул.

Клара была чем-то недовольна, потому что громко лязгала зубами, свистела и гудела. Непривычное поведение подруги так меня напугало, что я проснулся. За окнами станционного дома шумел поезд, и мне подумалось, что мы могли бы продолжить путешествие на попутном эшелоне. Эх, знать бы, куда ехать! Впрочем, эта проблема решалась просто: знай не знай, а поедешь туда, куда ведут железные пути!

Видимо, Коля думал о том же, потому что открыл глаза и осторожно повертел головой — старишка-смотрителя в комнате не было. Вероятно, провожал состав. Мальчик вскочил, нахлобучил шапку и сунул руки в рукава пальтишка. Я занял своё место за пазухой (прощайте, милые оладушки!).

Дверь оказалась запертой на ключ. Может, из-за меня? Не вызывал, так сказать, доверия «белогвардейской» внешностью? Коля кинулся

к окну и подёргал за шпингалет. Створка поддалась, и в помещение ворвался холод. «Ничего, свежий воздух старичку не помешает, а то упреет возле своей печки!» — успокоил я нашу с Колей совесть. Высоко прыгать не пришлось — первый этаж, к тому же снег снова понастроил сугробов, пока мы в гостях рассиживались.

Гораздо страшнее было соскакивать с платформы: мой спаситель решил не дожидаться следующего поезда, а топать по шпалам. «Вот удивительный ребёнок!» — в очередной раз восхитился я смелостью и упорством мальчика.

Огни станции растворились в ночи; мороз подгонял вперёд, и Коля бодро шагал то по деревянным перекладинам, то по рельсам, балансируя руками. Слева и справа росли огромные ели — их верхушки, похожие на чёрные зубцы, взметнулись чуть не до небес. Чтобы заглушить страх, я стал прикидывать, сколько человек смогли бы затащить одну такую ёлку на наш с Вовкой третий этаж и скольких соседей сверху пришлось бы выселить, чтобы разобрать потолки и установить новогоднее дерево в нашей квартире.

Мои подсчёты прервал Коля — он вдруг запел, разбудив тишину звонким голосом. Наверное, ему тоже было страшно и он хотел таким громким образом прогнать лесных духов и хищных зверей. Запел он, как ни странно, ту же песню, с которой накануне утром мимо

нас промаршировал отряд красноармейцев воевать с его папой – белогвардейским офицером. Впрочем, слова подходили для нашей ситуации как нельзя лучше:

*Вихри враждебные веют над нами,
Тёмные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас ещё судьбы безвестные ждут...*

Глава 16 НОЧНОЙ БОЙ

Удивляясь тому, что Коля знает революционные песни наизусть, не приходилось, так как в детском доме их распевали постоянно, а на новогоднем празднике мы с Кларой прослушали целый концерт. (Ребятишки, конечно, не догадывались, кто исполнил роль Деда Мороза и Снегурочки и помог с подарками, но было приятно думать, что они стараются для нас!)

К сожалению, вместо того чтобы отпугнуть «тёмные силы», Коля только навлёк их на нашу голову! Не успел он пропеть: «На бой кровавый, святой и правый...», как впереди послышалась стрельба и крики. Зимняя ночь подхватила страшные звуки, усилила эхом и разнесла по лесу.

– Бах-бах-бах-бах... – отчётливо выговаривали винтовки.

– Та-та-та-та-та... – выстукивали пулемёты.

Несколько раз дёргалась земля – это взрывались гранаты. В жуткую какофонию вплеталось конское ржание и гиканье наездников.

От неожиданности и испуга мы с Колей упали на шпалы. (Я при этом чуть не погиб: на нервной почве потерял «выход» из пальто и в момент соприкосновения с деревянной перекладиной оказался в районе Колиного живота, так что спас меня только относительно небольшой вес мальчика!)

Так мы лежали, пока всё не стихло, а потом ещё сколько-то времени... Наконец Коля поднял голову и прислушался. Даже задрал одно «ухо» своей шапки! Но в лесу царило спокойствие, словно произошедшее было всего лишь галлюцинацией.

Мальчик поднялся. Я снова занял место за пазухой (только мордочку прятать не стал, чтобы сразу увидеть, чего бояться), и мы осторожно двинулись туда, где прошумел ожесточённый бой.

– Может, мы дошли до фронта? Как думаешь? – тихо спросил меня Коля.

Я не знал, что ответить. От пережитого потрясения вообще плохо соображал.

Шагали мы довольно долго, и я уже начал надеяться, что нам всё почудилось. От голода,

например! Однако внезапно дорогу перегородило препятствие – задняя стенка вагона. Видимо, это был тот самый поезд, который разбудил меня лязганьем колёс и свистом паровоза. Теперь он понуро молчал.

Вблизи стена теплушки оказалась вся в дырках, и мой желудок тут же сравнил её с сыром (хотя мы, грызуны, в сыре больше любим не дырки, а то, что их окружает). Коля замер. Но потом сделал шаг, другой...

Мы шли вдоль состава, постоянно натыкаясь на лежащих без движения лошадей и людей. Последних было много, не меньше двадцати. Без верхней одежды и обуви. От железнодорожных путей в лес тянулись следы от полозьев и множество отпечатков конских копыт.

– Наверное, на поезд напали бандиты! – прошептал Коля. Я поразился его недетскому хладнокровию. Даже показалось, что случившееся произвело на меня гораздо более гнетущее впечатление, чем на мальчика. «Неужели ребёнку уже приходилось видеть подобное?!» – подумал я, опять приходя в ужас от эпохи, в которую забросила меня Вовкина тяга к химии.

Кроме вагонов, в эшелоне находилось несколько платформ, а на них стояло что-то, накрытое брезентом и припорощенное снегом. Коля забрался наверх и заглянул под тяжёлую ткань.

— Ого! Аэроплан!

Это такой деревянный, с полотняной обшивкой самолётик. По сравнению с современными — очень маленький! Я видел как-то по телевизору — там Люди казались крошечными рядом с летающими машинами, а этот был чуть выше взрослого человека.

— Скорее всего, они направлялись на фронт! Теперь-то уж никуда не полетят! — сожалением вздохнул мой спаситель, рассматривая изрешечённые пулями крылья. (Они лежали отдельно от корпуса, но всё равно пострадали.)

Я почувствовал некоторое облегчение, что машины пришли в негодность, так как печаль в Колином голосе наводила на тревожную мысль, что он продолжил бы путь по воздуху, будь хоть какой-то из аэропланов исправен! Мне отрываться от земли не хотелось...

Наконец мы добрались до паровоза и поняли, как бандитам удалось остановить состав: поперёк рельсов лежала огромная ель. Коля потянул за колючую ветку, но дерево не сдвинулось ни на миллиметр. Дверца в кабину машиниста была открыта, и мальчик полез по железной лестнице. А я, на всякий случай, спрятался поглубже...

Глава 17

КОЧЕГАР

Пока Коля преодолевал высокие ступеньки, я вспомнил Кларочку – вот бы рассказать ей, сколько всего со мной приключилось за одни лишь сутки! Как мне не хватало её уверенности и смекалки!

Устыдившись собственной трусости, я выглянул из пальто и... тут же спрятался обратно – на железном полу, чёрном от рассыпанного угля, распластались двое: пожилой мужчина с чумазым лицом и застывшим взглядом широко распахнутых глаз и подросток лет четырнадцати.

Коля остановился, держась за поручни и не решаясь сделать последний шаг, а я вообще был против того, чтобы его делать! Лучше бы мы перелезли через ель и потопали дальше пешком, всё равно уже не могли никому помочь!

Внезапно паренёк пошевелился, и я упал в обморок. В самом прямом смысле: лапки похолодели, коготки, которыми я держался за Колину рубашку, разжались, и я вывалился из-под пальто на ожившего мальчика (хорошо, жемчужину не проглотил!). Он застонал, и мои чувства вернулись к ужасной действительности.

Коля поскорее схватил меня и сунул в карман, а потом склонился над раненым.

— Тебе больно? — участливо спросил он.

Паренёк открыл глаза (на фоне его грязной-прегрязной физиономии белки казались почти голубыми) и несколько томительных мгновений смотрел на нас с Колей. Точнее, сначала долго-долго на Колю, а потом ещё дольше на меня, торчащего из кармана.

— Это кто? — слабым голосом спросил он.

И мы поняли, что он мной интересуется.

— Белыш, — тоже шёпотом отозвался Коля.

— Не видел таких раньше, — с трудом выговорил подросток и повернул голову. — А с батей что?

Получалось, что тот другой — отец мальчика. Коля вздохнул:

— Не дышит. На вас бандиты напали, перебили всех...

Паренёк крепко зажмурился. Наверное, чтобы не заплакать. Мы с Колей молча стояли над ним, боясь потревожить.

— Помоги подняться! — наконец попросил он.

И мой спаситель стал тащить раненого за руки вверх. Мальчику удалось сесть, прислонившись спиной к стене.

— В башке всё крутится, — пожаловался он.

Коля проявил неожиданную медицинскую осведомлённость:

— По-видимому, у тебя сотрясение мозга! Помнишь что-нибудь?

— Дерево на путях... Тормозить пришлось резко. Упал, должно быть, и ударился обо что, — подросток нащупал шишку на затылке, из ранки сочилась кровь.

— Черпни-ка водицы!

Он указал на большой бидон, закреплённый металлическими кольцами в углу кабины. Железная кружка валялась на грязном полу.

Пил мальчик долго, жадными глотками, так что мы видели, как ходит кадык на его тонкой шее. Потом заговорил:

— Чуяло батино сердце, что мало охраны для такого груза выделили!

— Аэропланы на месте, только продырявленные все, — поспешил вставить Коля.

— Потому что бандитам бочки с топливом нужны, а ещё одёжка красноармейская — диверсии устраивать. Наши-то белых ещё месяц назад к эстонской границе оттеснили, вот они и партизанят теперь, на эшелоны нападают.

Коля — молодец, смолчал, не стал устраивать классовый спор с тем, у кого травма головы и кто только что потерял близкого человека. Вместо этого он уважительно спросил, оглядывая сложное устройство кабины — множество рычагов, два железных руля, круглые приборы с цифрами и стрелками:

— Ты тоже машинист?

— Не, я помощник! Уголь в топку закидывал! Хотя батя меня всему обучил. Эх! —

паренёк замолчал, и мы тоже. Понимали, что ему нужно справиться с горем.

— Раньше другой кочегар был, Федька. Так его на фронт забрали, — продолжил он.

Коля завистливо вздохнул:

— Мне бы туда!

— А... Так вот почему ты тут оказался! На фронт топаешь! А не маленький? — без всякой иронии спросил помощник машиниста.

— Да я не воевать! Там... — начал мой спаситель и осёкся. (Я понял его затруднение: с одной стороны, не тактично говорить про своего папу в сложившейся ситуации, а с другой — вообще про него лучше не рассказывать!)

Паренёк словно не заметил Колиной заминки и с трудом встал.

— За подмогой придётся идти!

Коля о чём-то сосредоточенно думал. Потом серьёзно произнёс:

— Там на станции сейчас телеграфная рота, у них и лошади есть, и подводы. Я тебя провожу, а то на ногах еле держишься!

Я поразился самоотверженности мальчика — вернуться туда, откуда сбежал!

Спустя несколько минут мы опять шагали по шпалам, только в обратном направлении, и в глубине души я очень рассчитывал, что старичок-смотритель не успел доесть гречишные оладьи...

Глава 18

ВАНЯ

Юный кочегар часто останавливался, пережидая приступы головокружения, так что продвигались мы гораздо медленнее, чем вдвоём с Колей. Зато меньше боялись — всё-таки помощник машиниста был старше и опытнее моего спасителя. К тому же оказался очень словоохотливым.

Выяснилось, что его папа служил на железной дороге много лет и жили они тоже в Петербурге. Вот только Колин дом находился в центре, на Гороховой улице, а Ваня (так звали паренька) проживал на Черниговской, за обводным каналом. (Я-то местности не знал, а вот мальчики знакомым названиям обрадовались.)

Когда германские войска подопали вплотную к городу, жители стали уезжать: кто к родственникам, а кто вообще — куда глаза глядят, лишь бы подальше от войны, от неразберихи первых месяцев революции и надвигающегося голода. Даже правительство молодой рабочей республики во главе с вождём большевиков Лениным переехало в Москву.

— Ты маленький был, так что небось и не знаешь, что почти половина горожан Питер покинула: было два миллиона, а теперь

один едва наберётся! Но всё равно еды на всех не хватает! Там, откуда раньше хлеб везли, теперь беляки, да и железная дорога во многих местах порушена! – разъяснял нам Ваня сложную политическую и экономическую ситуацию.

Хотя его папа получал продуктовый паёк первой категории, то есть усиленный, кормить большую семью, в которой, кроме Вани, было ещё трое детей, мал мала меньше (это я пересказываю слово в слово), становилось всё труднее. А несколько месяцев назад их унесла эпидемия холеры. Получалось, что наш новый знакомый остался теперь круглым сиротой...

Он, конечно, и Колю расспрашивал о житье-бытье, но мой спаситель поделился лишь скучными сведениями, что мама его ушла однажды за продуктами и не вернулась, а папа где-то на фронте. Думаю, правда, Ваня догадался о непролетарском происхождении мальчика, но виду не подал и «барчуком» не обзывался.

Ещё поинтересовался, откуда я такой взялся. Коля рассказал, как вытащил меня из капкана в детдомовской кладовой, а уж почему я такого дивного цвета, ему было неведомо. Если честно, мне и самому хотелось бы знать историю моего рода! Может, я голубых кровей? В том смысле, что потомок крысиного короля? Хотя нет... Тогда Кларочка не приняла бы меня поначалу за больного...

Видимо, мой род не такой уж древний. Ну и ладно! Зато во мне море красоты и бездна обаяния! (А коты просто ничего в этом не понимают!)

Уже окончательно рассвело, когда показалась станция, а мечта о гречишных оладьях сделалась нестерпимой. Ещё меня мучили кошмарные видения: будто открываются резные дверцы дубового буфета, а на белой фарфоровой тарелке ничегошеньки нет!

Я перекатывал жемчужину от щеки к щеке, боясь, что не выдержу и проглочу – хоть чем-то наполню голодный желудок! Удерживал лишь пример необычайного мужества и стойкости, который демонстрировали мальчики, ведь им не меньше моего хотелось есть, а то и больше – размером-то они превосходили меня многократно!

На платформе было пусто. Поезда, по словам Вани, ходили теперь очень редко и не по расписанию. К тому же деревенские жители расставаться со своим хозяйством и бежать вглубь страны не стремились, особенно в разгар гражданской войны, когда неизвестно, где и что ждёт.

– Ага, беглецы вернулись! – засуетился старичик-смотритель, когда мы постучали в знакомую дверь.

В комнате по-прежнему царило блаженное тепло (хорошо жить среди богатых дровами

лесов!), а я уставился на буфет, за дверцами которого ждали либо великая радость, либо глубокое разочарование.

Однако Ваня первым делом поведал, что приключилось с его эшелоном.

— Так-то вот, Антип Семёныч! — вздохнул он, закончив рассказ. (А мы с Колей даже имени стационарного смотрителя не спросили, хотя чай его пили и оладьями угождались! Неудобно вышло.)

— Беда, Ванечка, ах, беда! — запричитал дедок. — Вы тут обогрейтесь пока, а я к телеграфным сбегаю! В буфет загляните, покушайте, что найдёте! — крикнул он уже с порога.

Я же говорил, настоящий волшебник!

— А ты откуда смотрителя знаешь? — задал Коля резонный (но такой несвоевременный!) вопрос.

— Да я со всеми знаком, кто на этой ветке работает! Почти год с батей ездил...

Наконец мальчики вспомнили обо мне, и Коля отломил щипцами кусочек сахара. Я схватил лакомство обеими лапками (хотя десерт хорошо было бы употребить после основного блюда!) и скрылся в рукаве. (Очень удобная вещь, скажу я вам! Особенно, если нужно сохранить что-нибудь в секрете. Например, чёрную жемчужину!)

— Потешный! — произнёс Ваня. (Я не обиделся — он же не знал, что я младший научный сотрудник с двумя образованиями!)

На правах старшего Ваня заглянул в резной буфет и извлёк на свет белую фарфоровую тарелку, на которой (ура!) всё ещё дожидались своих счастливых обладателей две гречишные оладьи...

Глава 19

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Чуть погодя Коля возобновил расспросы (теперь и я готов был выслушивать ответы, на сытый-то желудок!):

— А ты что дальше делать собираешься?
— До Москвы постараюсь добраться. Дядька там у меня, батяни старший брат, тоже железнодорожник. Может, на работу к себе возьмёт... А ты?

Коля потупился:

— На фронт!

Паренёк сочувственно покачал головой:

— Да фронтов-то нынче много...

И он принялся перечислять. Я запомнил лишь те, что по сторонам света назывались: Северный, Западный, Южный, Восточный...

Коля сник, а с ним и я приуныл: шансы найти его папу выглядели всё более призрачными, а ведь я дал слово...

Ваня погладил моего спасителя по отрасывающему ёжику и попытался утешить:

— Ты нос-то не вешай! Придумаем что-нибудь!

Колины глаза тут же вспыхнули надеждой.

— Представь, что твой папка тоже тебя ищет! Куда он направится?

Мальчик подумал и робко произнёс:

— Домой?

— Вот именно! Придёт, увидит, что нет никого, и решит, что всё — пропали вы! Время-то сейчас неспокойное! Особенно для вас, дворян! — развеял Ваня последние сомнения относительно своей догадливости.

— Но двери и окна досками заколочены. Как я там буду жить? — уже смелее спросил мой спаситель.

— Жить ты там не будешь! Маленький ещё! А вот записку оставить можно! С новым адресом!

— У меня его нет, — пожал плечами Коля, — а в детский дом мне нельзя... Из-за меня и так заведующую арестовали!

— Глупости говоришь! — рассердился юный кочегар. — Не могла наша рабочая власть арестовать человека только за то, что он ребёнка приютил! Пусть даже и барского сынка!

Коля погрузился в размышления. Хорошо бы, если не из-за него! Очень он за Файну Карловну переживал! А меня будто иголкой пронзило — уж не из-за наших ли с Кларой монет?! Но ведь заведующая не на себя деньги потра-

тила, а на детишек?! Впрочем, какая разница, за что Фаину Карловну в ЧК забрали! Главное, что нам о её судьбе по-прежнему ничего не известно...

— И потом... Не нужен тебе детский дом! У тебя теперь брат есть! — вдруг серьёзно заявил Ваня.

Не ожидавший такого поворота, мой спаситель закрыл лицо ладошками и... разревелся. Мне пришлось срочно покинуть рукав и забраться Коле на плечо. Вот ведь странный! Нет, чтобы обрадоваться! Он так сильно не плакал, даже когда его старшие ребята лупили...

Ваня тоже растерялся и пожлопал по вздрагивающей от рыданий худенькой спине:

— Ну ты чего? Перестань! Втроём-то лучше!

(Я, Коля, Ваня... точно подсчитал, не ошибся!)

Коля горячо закивал — мол, спору нет!

Немного успокоившись, он спросил:

— А как же мы записку оставим? И какой адрес напишем?

— Известно какой, московский, дядьки нашего!

(Понравилось мне, что он вот так сразу не «моего», а «нашего»! Значит, окончательно решил!)

— А как до Петербурга доберёмся?

— Смешной ты! Как сюда попал, так и назад! Я же тут всех машинистов знаю —

возьмут с собой! Сейчас телеграфисты пути расчистят (тут Ванин голос дрогнул) и с первым же эшелоном поедем. А пока поспи, всю ночь ведь на ногах провёл! Да и нос твой во сне обратно спухнет, а то в кабину не поместишься! – закончил паренёк шуткой.

Нос у Коли и впрямь покраснел и растолстел, пока он плакал.

Всё повторилось: опять я лежал на скамье рядом с моим спасителем и набирался сил перед дальней дорогой. Кларочка что-то говорила, но я так устал, что не понимал ни слова, лишь улыбался ей в ответ сомкнутыми губами, чтобы не выронить жемчужину, весь наш оборотный капитал...

Глава 20

ДРУЗЬЯМ ПРИШЛОСЬ СТАТЬ ВЗЛОМЩИКАМИ

Петербург, а точнее, Петроград встретил нас тёмными заснеженными улицами. Ваня объяснил, что город переименовали ещё в начале Первой мировой войны, в 1914-м. Из патриотических соображений. Чтобы звучало по-русски. Просто в Колиной семье привыкли по старинке говорить, вот он и выделялся, если в разговоре название употреблять

приходилось! А то, что фонари да окна не светились, так запасы угля на электростанциях кончились и керосина тоже не осталось...

Приехали мы, как и обещал Ваня, в кабине машиниста. Паровоз тащил из далёкой Астрахани эшелон с солёной рыбой для голодающих жителей. Железнодорожники пожаловались, что состав без малого три месяца добирался: постоянно пережидали, пока разрушенные пути восстановят. Так что в сохранности груза они сильно сомневались, а я сразу почуял – испортилась рыба, хоть и солёная!

Идти по ночному, будто вымершему городу было жутковато: ни тебе очередей за хлебом, ни митингов, ни красноармейских отрядов с песнями, ни автомобиля хотя бы одного! Хорошо, что до Колиного дома не так уж далеко топать: по мосту через замёрзшую речку Фонтанку, а там уж и кованый навес над крылечком показался...

Ваня подёргал прибитые крест-накрест доски.

– Оторвать-то можно... А вот замок у вас крепкий, и ключа у тебя, конечно, нет!

– Ключа нет! – подтвердил Коля.

Он всю дорогу смотрел обретённому старшему брату в рот, ловя каждое слово. А уж когда увидел, как Ваня помогал кочегару, подцепляя широкой лопатой уголь и ловко закидывая его в узкое горлышко топки, то восхищение превзошло все мыслимые пределы!

(Я тоже проникся уважением к нашему новому другу.)

По прибытии в Петроград мой спаситель попросил отправиться сразу на Гороховую (которая после революции превратилась в Комиссаровскую, но к новому названию ещё никто не привык). Мальчик рассчитывал, вероятно, что юный помощник машиниста совершил чудо и он окажется среди родных стен. Ваня согласился, хотя к нему от железнодорожного депо было ближе. Видимо, ему-то как раз не хотелось возвращаться в опустевший дом...

— Окно придётся разбить. На первом этаже тоже ваша квартира?

— Нет, наша на втором. Тут Афанасия Степановича, управляющего. А на третьем Синяковы жили. Но они все давно уехали, ещё до того, как мама... как меня Фаина Карловна забрала.

— А кто же досками заколотил?

Коля пожал плечами:

— Раньше тут дворник за порядком следил.

Он окинул взглядом заметённую снегом улицу и добавил со взрослой солидностью:

— Хотя какие нынче дворники...

Юный кочегар не позволил унынию охватить нас и весело предложил:

— Ну что? Бьём?

— Бьём! — азартно кивнул Коля, и шапка-ушанка тут же съехала ему чуть не на подбородок.

Для своей цели паренёк выбрал крайнее окно, то, что находилось рядом с водосточной трубой. Он оторвал доски и с силой ударил одной по стеклу — оно со звоном лопнуло и осыпалось в сугроб. (Звук показался мне ужасно громким, и я даже спрятался поглубже в пальто, ожидая, что сейчас из соседних домов повыскакивают разбуженные Люди и начнут нас ругать за шум в неурочное время. Однако никто не появился...) Тем же способом Ваня доколотил оставшиеся острые куски, очистив створку целиком.

— Здорово! — восхищённо протянул Коля.

— Супер! — пискнул я (голосок-то у меня тонкий).

Меня, кстати, первым и отправили в чужую квартиру. Так что за дальнейшим я наблюдал сверху, сидя на широком подоконнике.

Ваня сложил ладони лодочкой.

— Давай обопрись и залезай!

Коля выпростал ногу из большого валенка, наступил на Ванино «сооружение», и старший брат ловко его подкинул, так что мой спаситель зацепился за деревянную раму и легко протиснулся внутрь. Во время этой манипуляции другой валенок слетел сам.

Ваня подал нам Колину обувку и обе доски и вскарабкался, хватаясь за водосточную трубу и лепные выпуклости на стене дома.

Первым делом мальчики заделали оконный проём, закрепив плотные шторы добы-

тыми из досок гвоздями (чтобы снега не нанесло), а потом на ощупь двинулись к выходу из квартиры.

В темноте таинственно и даже как-то зловеще поблескивали зеркала. Натыкаясь на мебель, мы миновали несколько комнат и добрались до двери, тоже запертой.

— Ломаем? — шёпотом спросил Ваня (почему-то обстановка не располагала к тому, чтобы говорить в полный голос).

— Здесь где-то на стене крючок, на нём Афанасий Степанович запасные ключи от всех квартир держал, — тихонько отозвался Коля.

Ваня пошарил рукой...

Глава 21

В ДОМЕ НА ГОРОХОВОЙ

— Повезло! — паренёк удовлетворённо потряс связкой ключей. Первый же из них легко повернулся в замочной скважине, и мы вышли на широкую лестничную площадку.

— Странно, что ваш дом ещё пустой, — сказал Ваня, поднимаясь по мраморным ступеням. — Семьи рабочих ещё осенью из бараков с окраин начали в центр переселять.

Коля молчал. Я слышал, как колотится его сердечко. Видимо, от волнения, что совсем скоро переступит родной порог.

Слева и справа от двери в его квартиру стояли большие кадки с растениями, давно засохшими без полива.

— В столовой свечи есть и спички, — прошептал мой спаситель, когда мы оказались внутри.

Он уверенно провёл нас по коридору в просторную комнату. Вокруг овального стола прятались под белыми чехлами стулья. С оборкой понизу и лентами за широкими спинками они смотрелись очень нарядно, будто невесты. (А что? Я за человеческой свадьбой однажды из окна наблюдал! Там девушки точно-точко так одета была!) В углу комнаты синела округлыми глянцевыми боками печка. Похожую я видел в деревянном дворце, и Кларочка называла её смешным словом «голландка». Но главное — два резных буфета! От них так и повеяло воспоминаниями о гречишных оладьях!

Ваня зашторил окна и лишь потом чиркнул спичкой и зажёг толстую свечу в одной из розеток бронзового канделябра — он возвышался в центре обеденного стола на ажурной, когда-то белоснежной скатерти. Вкусно запахло тающим воском, и у меня разыгрался аппетит.

Потирая замёрзшие руки, паренёк предложил:

- Ну что, раскочегарим печку?
- Дров-то нет! — растерялся Коля.

Ваня сдёрнул чехол с ближнего стула (в воздух сразу взметнулось облачко пыли).

— Чем не дрова? — подмигнул он нам. — Или жалко?

Мне, как грызуну, мебели было не жалко, но как ценитель прекрасного я пришёл в ужас от Ваниной идеи — уж очень красивой оказалась вещь. Сразу видно, сколько души вложил мастер в сложные завитки на деревянных перекладинах.

Однако Коля охотно поддержал старшего брата. К счастью, Ваня разглядел изящество резьбы, и, прихватив свечу, мальчики отправились искать что-нибудь попроще. Я хотел кинуться следом (интересно же, как жил мой спаситель), но потом передумал. Решил, что куда важнее изучить содержимое буфетов.

Увы, их запах не хранил даже намёка на съестное! Хорошо, что железнодорожники поделились варёной картошкой, к поеданию которой, по разумению моего желудка, уже пора было приступать. (Жемчужину я предусмотрительно спрятал в надёжном месте — в щели между паркетинами. Такое облегчение почувствовал! Вот только язык, привыкший перекатывать драгоценный шарик, продолжал елозить во рту в поисках сокровища.)

Мальчики вернулись, притащив сразу пять стульев: по два в каждой руке принёс Ваня и один — Коля. Эти было не жалко: перекладины тоненькие, спинки выгнутые.

Хлипкие, одним словом. Такие и ломать легче. Юный кочегар справился с ними без видимых усилий, и комната наполнилась сначала весёлым треском разгорающихся дров, а потом ровным гулом синей «голландки».

После ужина (теперь мне казалось, что нет блюда вкуснее варёной картошки, в сравнении с ней померкли даже воспоминания о трапезе у гостеприимного станционного смотрителя) мои друзья приволокли откуда-то из глубины квартиры матрас, одеяла, подушки и устроили постель на полу возле печки.

Я собирался послушать, как Ваня будет расписывать грядущую жизнь без эксплуататоров, которую он именовал светлым будущим, однако меня сморил сон. Так и не узнал, куда же денутся работодатели. Зато порадовал Кларочкин отчёт о сохранности нашего клада и о том, что Пётр Еремеевич написал-таки письмо Народному комиссару просвещения Луначарскому и Ленину, вождю всемирного пролетариата и, по совместительству, Председателю Совета Народных комиссаров, с требованием вернуть детскому дому заведующую. Кларочка подписалась за нас обоих – Менделеевы.

Утром выяснилось, что и Коля не переставал думать о судьбе Фаины Карловны, потому что попросил Ваню показать ему, где обитает ЧК.

– Так здесь, на Гороховой.

Мы с Колей прямо осталбенели от неожиданности.

— То есть совсем рядом? — мой спаситель сглотнул комок, застрявший в горле.

А мы-то ночью шумели, стёкла били, в чужую квартиру забрались! Я живо представил, как приехала чёрная машина, из неё вышли двое в кожанках и с наганами, чтобы поставить нас к стенке, и опять чуть в обморок не грохнулся (хорошо, на одеяле сидел, не ушибся бы)...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Петроградское отделение ВЧК располагалось на углу Гороховой улицы и Адмиралтейского проспекта (в 1935-м переехало на Литейный проспект в специально построенное здание). В стенах дома на Гороховой, 2 побывали в качестве арестантов А. Блок и Н. Гумилёв. Сейчас в здании — Музей политической полиции России.

Глава 22 О БАНЕ, ПИСЬМАХ И ЖЕМЧУЖИНЕ

К счастью, Ванин ответ прозвучал раньше, чем сознание меня покинуло.

— Ну, не то чтобы рядом. В самом конце улицы, на углу.

Я перевёл дух.

— Только мы лучше так поступим: изложим всё письменно, а я отнесу и передам кому следует, — заключил Ваня.

Я полностью согласился — нельзя нам с Колей туда идти. Вдруг опытные сотрудники определят, что он белогвардейский сынок. Да и моя внешность не пользовалась тут популярностью.

— Но сначала в депо наведаемся. Узнаем, когда оказия в Москву будет, и ещё, может, мне продовольственные карточки за батю выдадут...

Ваня раздвинул шторы, и солнечные лучи оплели стены золотистой паутиной. При ближайшем рассмотрении она оказалась узором из листиков и мелких розочек на шелковистых обоях. Комната сразу стала необычайно уютной. Не портила даже накопившаяся за многие месяцы пыль, которая теперь весело кружилась в воздухе.

На дневном свету мальчики выглядели чумазыми, как и полагалось кочегарам. Однако появляться с такими физиономиями на улице, а тем более в государственном учреждении, было неприлично, и Ваня устроил нам «снежную баню». Не в том смысле, что заставил нырять в сугроб, а в том, что собрал снег с подоконников и превратил его в горячую воду в кастрюле на кухонной печке. Для её растопки пришлось пожертвовать этажеркой из прихожей. (Из кранов не вытекло ни кап-

ли. Они даже не чихали и не хрюкали, как те, что у Вовки в квартире, когда в трубах тоже исчезала жидкость. Эти – величественно молчали, словно всерьёз обиделись на Людей за вынужденную бесполезность.)

В качестве моющего средства использовали слепленные в шарик душистые обмылки. Теперь я ещё больше побелел и приготовился безвылазно сидеть за пазухой, чтобы не бросаться в глаза вызывающей окраской.

После помывки приступили к написанию писем. Колиному каллиграфическому почерку даже Ваня позавидовал, хотя и закончил несколько классов ремесленного училища.

(У моего-то спасителя с раннего детства гувернантка была, мадемуазель Жюли. Судя по фотографиям, симпатичная барышня с вздёрнутым кверху носиком и светлыми кудряшками над высоким лбом. Вот только бросила своего подопечного в трудную годину и уехала вместе с соседями с третьего этажа во Францию. Они, конечно, звали Колину маму с собой, убеждали, что худо ей придётся в том потревоженном улье, в который превратилась страна, но она не теряла надежды: закончится война, муж вернётся домой и жизнь снова наладится. Не наладилась...)

Текст приведу, как запомнил:

«Многоуважаемая ЧК!

Прошу вас отпустить заведующую детскими домом в Детском Селе Фаину Карловну,

потому что арестовали её из-за меня, а меня там больше нет. И ещё поймайте и накажите, пожалуйста, бандитов, которые убили медсестру Шурочку и водителя Тимофеича!

Бывший воспитанник Николай».

Мальчики заспорили из-за обращения «многоуважаемая». Ваня доказывал, что звучит по-буржуйски, но ничего путного взамен предложить не смог, поэтому оставили как есть.

Второе послание предназначалось Колиному папе:

«Дорогой папочка!

Со мной всё в порядке. У меня появился старший брат Ваня. Мы в Москве по адресу: ...

Найди меня, пожалуйста!

Коля».

Название улицы и номер дома я забыл. Тем более что до Москвы мы так и не добрались... Впрочем, не буду забегать вперёд!

Письмо для ЧК Ваня положил в карман, а другое оставили на обеденном столе под канделябром. На тот случай, если «оказия в Москву» не оставит времени ещё раз вернуться. Коля хотел взять на память фотографию из альбома, где он совсем маленький, но зато с обоими родителями. Однако Ваня отсоветовал, потому что на главе семейства была офицерская форма царской армии. Вдруг не в те руки снимок попадёт, тогда неприятностей не оберёшься!

В прихожей нашёлся запасной ключ от двери в дом, и Ваня освободил её от досок, так что вышли мы, как подобает нормальным жильцам, а не как воришки — через разбитое окно. (Доски мальчики затащили в квартиру, это уже на случай, если «оказии» в Москву не окажется и придётся снова печку топить.)

Коля нырнул в свои огромные валенки: с прошлой зимы он вырос и обувь, что хранилась в шкафу, оказалась мала. Зато Ваню утеплили вязанным шарфом, потому что его картуз (кефка такая с жёстким козырьком) ушей не закрывал и они пламенели на морозе, будто и не уши вовсе, а снегири.

По дороге Ваня рассказал, что городские власти организовали специальные столовые для детей, где бесплатно кормят. Так что если ему в депо карточки за «батю» не дадут, то завтракать всё равно удастся.

(Летописец недоволен, что я столько мыслей на еду трачу. Пожалуй, он прав... Но вдруг поэтому я и называюсь «грызуном»? То есть моим зубам постоянно что-нибудь грызть требуется? Нужно поразмышлять на досуг...)

На улицах было довольно многолюдно. Тротуары прятались под сугробами, и пешеходы, а с ними и мои мальчики, топали по проезжей части, огибая замершие без электричества трамваи и уступая дорогу редким автомобилям и подводам. Несколько десят-

ков человек стучали топорами — ломали двухэтажный деревянный особняк, не жалея ни фигурных колонн у крыльца, ни чудесных наличников, больше похожих на нарядный круженой воротник, которым Фаина Карловна украсила платье на новогодний праздник.

— Зачем они его рушат? Хороший ведь дом, крепкий, — спросил Коля у старшего брата.

— На дрова, наверное, разберут! — предположил Ваня.

Его ответ напомнил мне о забытой в щели паркета жемчужине. «Ах, растила!» — обругал я сам себя, выбрался из-за пазухи и кинулся назад...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Резцы крысы не имеют корней и постоянно растут. Их передняя поверхность покрыта прочной эмалью. Сзади же покрытие отсутствует, поэтому задняя поверхность резцов стирается гораздо быстрее, в результате чего заточка зубов приобретает долотообразную форму. Строение резцов крысы объясняет её постоянную потребность что-либо грызть. Дело в том, что резцы растут очень быстро и если зверёк не будет их вовремя стачивать, то через сравнительно небольшой промежуток времени длинные резцы нижней челюсти просто не позволят ему закрыть рот.

Глава 23

У ПАФНУТИЯ НЕПРИЯТНОСТИ

Испуганные крики быстро остались позади (мы, грызуны, умеем быть шустрыми!):
— Белыш, Белыш! Куда ты?!

Если бы мальчики знали, что побудило меня так поступить, то наверняка бы одобрили! Это же всё равно что утюг не выключить! Помню, Вовкина мама сколько раз в панике домой возвращалась, потому что ей казалось, что водопроводный кран в ванной не закрыт или на плите что-нибудь варится. А утюг вообще на первом месте по забываниям! С жемчужиной, конечно, не сравнить: ни пожара, ни потопа не случилось бы, но она могла принести кучу необходимых для жизни денег (во всяком случае, я на это рассчитывал), а значит, стоило мчаться назад сломя голову!

Именно так я и подумал, когда вдруг темнота навалилась, — что голову сломал. Однако в следующее мгновение открылась ещё более ужасающая истина — меня захватили в плен! Набросили то ли пальто, то ли другой предмет одежды, завернули и понесли в неизвестном направлении! И так крепко прижали (к груди, наверное), что я потыкался-потыкался, да и затих до выяснения.

От недостатка кислорода разум слегка помутился и начались видения. Будто бы Кларочка жаловалась, что нас ограбили и забрали весь клад до последней бусинки, а я успокаивал, что она просто не может разглядеть сокровища, потому что сверху навалены меха, шубы и даже ковры персидские. Правда, богатства эти за решёткой, но ведь так сохраннее будут!

Действительность оказалась суровой: за решёткой находились вовсе не богатства, а я... Видимо, тоже для пущей сохранности...

Клетка размерами не впечатляла, не то что мои шикарные апартаменты в Вовкиной квартире! Вместо лотка — газета, ни одного спортивного тренажёра, лишь наверху тонкая перекладина, но я же не канатоходец, чтобы по ней бегать! Тут меня осенило: клетка-то птичья! Для попугая какого-нибудь или канарейки, но уж никак не для младшего научного сотрудника серьёзной лаборатории с большими связями на железнодорожном транспорте!

Моё новое жилище стояло на круглом столике из ценной древесины под длинной бахромой зелёного абажура. Принадлежал он торшеру на витой бронзовой ноге. Кстати, ноге этой совсем некуда было бы ступить, пожелай она вдруг походить по комнате, поскольку всё пространство заполонили разнообразные вещи, собранные неизвестными коллекционерами.

Если бы они захотели спрятать имущество, то и целый подвал оказался бы маловат, не то что наша с Кларой потайная ниша!

В том, что новый виток моих похождений начинался опять с «пещеры Алладина», было нечто мистическое. Только теперь я, судя по всему, являлся частью клада. Определённо, в этом историческом отрезке нестандартная внешность приносила своему владельцу лишь неприятности! Помимо всего прочего, как экономиста меня угнетало чрезмерное количество сокровищ: оно обесценивало жемчужину, которую я так долго и тщательно оберегал и из-за которой здесь оказался!

Погружённый в невесёлые раздумья, я не услышал приближения шагов и вздрогнул, когда рядом зазвучали голоса.

– Подивись, какую чуду для своей крали достал!

– Как бы тебя твоя краля с этой чудой на улицу не выставила!

Я покрутил головой, чтобы разглядеть «чуду», но вдруг прямо передо мной (по ту сторону решётки, конечно) возникли две ухмыляющиеся физиономии. У одной на глаза спадал светлый чуб, а широко улыбающийся рот сиял золотом. Я узнал бандитов, застреливших Шурочку и водителя-балагура Тимофеича (помню, Коля предположил, что они из шайки Ваньки Белки, которая «произволнничала» в Петрограде и окрестностях), дога-

дался, о какой «чуде» речь, и... не выдержал очередного удара судьбы — упал в обморок, на газетку... ..

— Помер, что ли? — донеслось будто издалека.

— А ты его кормил? Или думаешь, раз он белый, то святым духом питается?

— А чем его кормить-то?

— Да хоть палец свой дай, крысам всё по зубам! — заржал (да простят меня лошадки за такое нелестное сравнение!) «чубатый».

Вообще-то перекусить не мешало: варёная картошка уже давно встала в один ряд с гречишными оладьями, то есть превратилась в чудесные воспоминания...

— Ха, как о жратве заговорили, так и зенки растопырил! — воскликнул второй.

Признаться, смысл высказывания дошёл до меня лишь в общих чертах. Но я понял, что нежная привязанность к продуктам питания больше не являлась моим личным секретом. Впрочем, я её никогда особенно не скрывал.

Ещё я лелеял надежду, что Коля и Ваня не кинутся меня искать на голодный желудок, а прежде пообедают в детской столовой. И радовался, что у моего маленького спасителя появился старший брат, на которого я мог переложить заботу о мальчике на время своего вынужденного отсутствия...

Глава 24

ХЛЫСТ

Недостатка в продуктах питания бандиты не испытывали и щедро отсыпали мне всякой всячины: и сыра, и хлеба, и орехов. Не подумали, что если я всё съем, то клетка станет окончательно мала и её точно придётся менять, иначе они нарушат Женевскую конвенцию о содержании военнопленных! (Правда, я не был уверен, что таковая уже существовала.)

Вот ведь как повернулось: мальчики где-то там, холодные и голодные, за меня переживали, а я «в гостях» объедался! Правда, тоже переживал – как бы не лопнуть, уж очень хотелось впрок желудок набить. Вдруг «чубатый» прав, и выгонит «краля» моего похитителя вместе со мной на улицу! Поскорее бы уж взглянуть на ту, от решения которой зависела наша участь.

Желание сбылось через несколько часов. Бандиты вернулись в сопровождении дамочки с ярко накрашенными пухлыми губами, и мои рубиновые глаза тут же приклеились к ним в ожидании вердикта. «Краля» сначала втянула щёки, так что рот превратился в красный бант, а потом с громким чмоком привела его в исходное положение. Напряжение

достигло предела... Сейчас бы моему имиджу пригодился мохеровый «нахвостник», который так и не связала Вовкина мама!

Я постарался спрятать под газету часть организма, вызывающую у Людей наибольшие сомнения, и широко улыбнулся, демонстрируя великолепные зубы с прочной жёлтой эмалью и радуясь, что ребята помыли меня душистым обмылком.

Не помогло! Ярко-красные губы брезгливо скривились и приоткрылись с явным намерением произнести обвинительный приговор. Может быть, даже смертный. Пришлосьпустить в ход всё обаяние и талант: я поднялся на задние лапки и закружился на месте. Жаль, не было возможности блеснуть знаниями по химии и экономике!

Впрочем, после моего выступления выяснилось, что я и так перестарался.

— Шепелявому отдан! Пусть на базар с собой берёт, когда его шантрапа работает, — внимание отвлекать!

Голос у дамочки был низкий и хриплый, а интонации командирские, так что услышаться её никто не посмел, и, в отличие от меня, бандиты догадались, о чём речь.

На следующий день и я сообразил...

Жил-был на свете добропорядочный белый крысюк Пафнутий Владимирович Менделеев, младший научный сотрудник серьёзной экспериментальной лаборатории, да весь

вышел! А вместо него появился (хотя и не по своей воле!) пособник воров-карманников по кличке Хлыст (наверное, всё из-за той длинной и лишённой шерсти детали моей неординарной внешности!).

Одно хорошо — кормили сытно! А в остальном... Потекли беспросветные противозаконные будни: рано утром Шепелявый (парень без двух передних зубов, отчего он и впрямь смешно разговаривал) отвозил меня на рынок — шумное место, где горланили продавцы и толклись покупатели самого разнообразного товара: от портняжного напёрстка до рояля.

Ну, продавцов я ещё мог понять: зачем в доме рояль, когда есть нечего?! А вот причину, по которой он понадобился покупателям, постичь не сумел. Красивый, конечно, спору нет: огромный чёрный полированный, с золотыми канделябрами. Но ведь Люди не грызны, чтобы в голодное время музыкальными инструментами питаться?!

Не хочу показаться нескромным, но мои выступления пользовались популярностью как у тех, кто торговал, так и у тех, кто собирался тратить деньги. Ради последних я освоил даже хождение по тонкой перекладине и ещё пару акробатических трюков — только бы привлечь их внимание и втолковать, чтобы лучше следили за карманами и сумками! Но где там! Голосок-то у меня тонкий! Кричи

не кричи: осторожно, мол, будьте бдительны, а они пальцами в клетку тычут и (простите, лошадки!) ржут... Потом хвать – а покупательская способность уже переместилась в карманы какого-нибудь беспризорника (шантрапы, как обозвала их «краля»), и даже след её простишь!

Дней так через несколько попробовал я сменить тактику: вместо того чтобы «на сцене» блистать, забивался в угол и сидел насупившись. Однако получилось только хуже: вместе с изменением «репертуара» поменялась и публика. Теперь на меня приходили поглазеть жалостливые бабульки и барышни. И пока они вздыхали и охали, какой я несчастный и, наверное, больной, мои «подельники» опустошали их кошельки и ридикюли!

Совсем я отчаялся! Даже подумывал, не объявить ли голодовку в знак неодобрения противоправных действий? Но рассудил, что обездвиженный слабостью (чуть было не сказал – обезжиренный) привлеку ещё больше сочувствия порядочных Людей, и тогда плачали их сбережения и покупки!

Оставалось надеяться, что перемены в жизни сами как-нибудь наступят. Раньше ведь они меня не спрашивали! Наступали, когда им вздумается! И вот такой день, точнее вечер, пришёл...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Женевская конвенция о гуманном обращении с военнопленными подписана в Женеве 27 июля 1929 года. Вступила в силу 19 июня 1931 года. Являлась предшественницей Третьей Женевской конвенции, подписанной в 1949 году.

Глава 25 ПАФНУТИЙ ВОСПОЛЬЗОВАЛСЯ УМЕНИЯМИ

Из кучи народа, которая то появлялась, то исчезала, лишь я один был в этой таинственной квартире величиной постоянной (ну, за исключением часов «работы»). Тесная тюрьма (именно так я решил именовать клетку, чтобы хоть немного искупить вину перед жертвами моего несравненного обаяния) закрывалась снаружи на крючок. И только бесстолковые бандиты могли рассчитывать, что сие незамысловатое сооружение удержит внутри «тварь с интеллектом»! Конечно же, я давным-давно научился пользоваться простеньким запором и гулял ночами по «пещере Алладина».

Я сумел бы даже убежать: приготовившись к старту, когда в замочной скважине поворачивался ключ (точнее, скважинах,

потому что замков было несколько), и выско́льзнуть, когда дверь открывалась. Тем более что времени на манёвр оставалось бы в избытке, так как обычно в квартиру заносили какое-нибудь добро (чужое, разумеется) и это длилось пару секунд, а то и минут (зависело от размеров предмета мебели или искусства).

Останавливало меня полное незнание города и мороз, который врывался в прихожую и напоминал о не подходящем для побега сезоне. Оставалось ждать либо потепления, либо следующего поворота моей зигзагообразной судьбы. Как я уже сказал ранее, произошло последнее...

«Тюремщики» часто обсуждали разбойные планы, не стесняясь посторонних ушей, то есть моих, круглых и мягких (возможно, они воспринимали меня как члена шайки, а потому и не таились). Я к этим разговорам привык и не особенно прислушивался, но в тот раз встрепенулся, уловив знакомое название. Впрочем, приведу беседу целиком с переводом на нормальный язык (за прошедший период научился более-менее понимать чудные слова и выражения, которыми пестрела бандитская речь).

— Сегодня по Гороховой работать будем. (Тут-то я и навострил мои замечательные уши.) Особнячок там заметили. Три квартиры в трёх этажах. Хозяев нет. Переселенцев

тоже. Только двое пацанят. Через окно, видать, влезли, а теперь через дверь ходят — ключ нашли.

(Обморок в такой момент оказался бы совсем некстати, и я усилием воли вернул внезапно покинувшие меня силы, чтобы не прозевать важную информацию.)

«Краля» (а именно ей докладывал «чубатый» о планах на вечер) выпустила ему в лицо струю дыма от папиросы, вставленной в длинный мундштук (как он только не задохнулся не сходя с места?!):

— Далеко от конторы?

— На другом конце. Не волнуйся, там тихо. Но поторопиться надо, пока барабанными не заселили.

Под «конторой», как я понял, подразумевалась ЧК, под «пацанятами» — мои мальчики, которые не поехали в Москву к дяде, а продолжали жить в квартире и надеяться, что я вернусь! (Вряд ли у них имелась более веская причина, чтобы задержаться в голодящем и замерзающем Питере, ведь для Колинного папы оставили письмо с адресом!)

Пришла пора для решительных действий! Я внутренне подобрался и сосредоточился на составлении собственной диспозиции на ближайшие часы. Во-первых, следовало выбраться на улицу и незаметно шмыгнуть в машину к «чубатому». Во-вторых... по обстоятельствам!

Я не стал дожидаться, когда закончится обсуждение деталей налёта, напихал за щёки семечек из моего суточного рациона (на «чёрный день»), открыл клетку, перебежал в прихожую и забрался в карман первой попавшейся кожанки. («На дело» бандиты Ваньки Белки одевались «чекистами», чтобы не вызывать подозрений: мрачные машины у подъездов, вынос ценных вещей и даже выстрелы не удивляли ни соседей, ни прохожих. Жуткое время... До сих пор от воспоминаний хвост дыбом встаёт!)

Признаюсь как на духу: иногда (очень редко!) я мечтал быть кем-нибудь другим. Например, котом (летописец одобрительно пошевелил пышными усами). Не потому, что они охотники, а мы жертвы. А потому, что их внешность нравится Людям: на них не ставят капканов и не визжат при встрече (разве только от восторга). Однако в определённые моменты, когда требовались юркость и незаметность, я от всего сердца благодарили природу, что создала меня грызуном! (Кстати, сей наиважнейший орган бьётся у нас со скоростью 400 ударов в минуту! И это в спокойном состоянии, а в беспокойном – вообще из груди норовит выскочить, так что пусть мои частые обмороки не вызывают усмешек! Всего лишь защитная реакция на стрессовые ситуации, которых, согласитесь, у меня было предостаточно! А ещё наше

сердце вырабатывает электричество! Правда, маловато, даже лампочки не зажечь. Хватает только для запуска каких-то наноустройств. Наверное, что-то очень мелкое, но всё равно приятно!)

Помешать выполнению плана мог только «чубатый», если бы сунул руку в карман (судя по запаху, я влез именно в его кожанку). Но в тот раз фортуна наконец-то заглянула мне в рубиновые глаза, а не повернулась тыльной частью. В машине я сразу перебрался под сиденье. Мой богатый электричеством орган колотился так громко, что я поражался, почему бандиты его не слышат! Вероятно, люди не такие совершенные, как думают сами и уверяют остальных!

Машина затормозила. Осмотр дома «чубатый» и три его подельника начали с первого этажа, легко вскрыв двери железным ломом, а я, пользуясь темнотой, кинулся по знакомой лестнице вверх...

Глава 26

ДРУЗЬЯ СНОВА ВМЕСТЕ

Я запыхался, преодолевая высокие мраморные ступени, и несколько мгновений приходил в себя за кадками, из которых уныло торчали засохшие фикусы. (Впрочем, я хи-

мик, а не ботаник. Может, растения назывались как-то иначе.) Мой озабоченный пропитанием мозг грызуна перепутал темноту на лестнице с «чёрным днем» и велел зубам сжевать семечки, оставив меня без продовольственных запасов.

У толстой дубовой двери я обратился в слух — мальчики находились дома. Более того, в прихожей! Видимо, прислушивались к тому, что творилось внизу. Бандиты, уверенные в безнаказанности, даже не старались соблюдать тишину и осторожность: двигали тяжёлую мебель и простукивали пол и стены (наверное, клад искали, но не всем же везёт так, как мне!).

Я поскрёбся в надежде, что Коля уловит среди множества звуков мои «позвывные». Правда, в какой-то телепередаче рассказывали, что человеческое ухо плохо воспринимает тихие шорохи, но там же меня уверяли, что мир представляется крысам безрадостно серым, а мне он кажется довольно разноцветным, просто слегка запылившимся!

Вот и насчёт Колиного слуха наука ошиблась! Открыли мальчики дверь! И сразу же снова заперли, как только мой спаситель схватил меня и прижал к сердцу!

— Белыш! Как я рад, как я рад! — восторженно повторял он, а Ваня ласково гладил мне спинку и чесал за мягким ушком. (Одной рукой, в другой он держал свечу.)

— Ты так долго пропадал! Мы по всем окрестным дворам искали! Думали, тебя коты слопали!

Ещё чего не хватало! Бесславный получил-ся бы конец для Пафнутия Менделеева! Хотя весьма вероятный, если бы не мороз! Кошки ведь тепло любят, как и мы, грызуны!

На лестнице раздались шаги. Наверное, хозяева нижней квартиры самые ценные вещи с собой за границу увезли и разочарованные налётчики продолжали искать, чем бы поживиться!

Мальчики переглянулись.

— Если постучат, открывать? — спросил Коля, вопросительно глядя на старшего брата.

Ваня пребывал в нерешительности.

— Может, мимо пройдут, на третий? — понадеялся он.

Снаружи подёргали за латунную дверную ручку.

— Отпирай, пацанва, не то вышибем! Дым из трубы валит, конспираторы! — насмешливо прокричал в замочную скважину «чубатый» (уж я его узнал!).

— А вы кто? — Ванин голос окрип от волнения.

— Конь в пальто! ЧК — вот кто! Изымаем излишки у буржуазных элементов! — продолжал глумиться бандит. — От имени трудового народа!

— Минуточку! — пискнул Коля (видимо, от

страха заговорил, как я) и принял греметь ключом, будто с замком никак не справится.

Ваня на цыпочках отошёл к окну и выглянул на улицу.

— По машинам вроде похоже!

Просить мальчиков не верить грабителям и не впускать — не имело смысла, я-то видел, как легко бандиты орудуют железным ломом!

— Поторопись давай! Ночевать, что ль, тут должны!

Я заворожённо смотрел, как поворачивается длинный ключ, и лишь в последнюю секунду сообразил, что могу опять превратиться в «чуду» и Хлыста! Времени, чтобы найти укрытие у Коли за пазухой, не оставалось, так как его рубашка была застёгнута на все пуговицы. А потому я бросился по коридору в столовую и забился под буфет, потревожив толстый слой пыли. (Теперь я стал серый, как Кларочка!)

Дверь с грохотом распахнулась, и бандиты вломились внутрь.

— Ну, выкладывайте, по какому такому праву занимаете жилплощадь? — приступил к допросу «чубатый».

— Я тут... — начал было мой спаситель, но Ваня перебил:

— Да беспризорники мы. От холода прячемся. Отпустите нас, товарищи чекисты!

— Давно здесь обитаете? — «чубатый» притворился, что не услышал просьбу.

— Не, пару дней только! Мы ничего не трогали!

— Поверим, когда проверим! (Ещё один рифмоплёт выискался!) Ну, показывайте хоромы!

Тяжёлые сапоги затопали по коридору. Жалобно дребезжали стёкла: бандиты хлопали комнатными дверями, не пропуская ни одного помещения, пока не вошли в столовую. Печка-голландка мирно гудела, не подозревая об опасности, нависшей над её маленьким хозяином. А я старался унять сердцебиение, чтобы не выдать своего убежища...

Глава 27

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

«Чубатый» присвистнул:

— Хорошо устроились! Тепло, светло и мухи не кусают!

Ну, допустим, не так уж и тепло! Углы просторной комнаты тонули во мраке, потому что в канделябре торчала лишь одна оплывшая свеча, от которой было так же мало толку, как от вырабатываемого моим сердцем электричества.

— Пару дней, говорите? А куда же мебель подевалась? (И впрямь, я сразу не заметил изменений, а ведь исчезли превосходные резные

стулья, что окружали обеденный стол!) Не ей ли скормили? – бандит пожалопал по округлому боку «голландки».

– Так ведь холодно! – продолжил Ваня капючить жалобным голосом.

Грабители между тем вынимали из буфетов фарфор и столовое серебро, снимали со стен картины в красивых рамках с позолотой и добрались до семейных фотографий. Из укрытия я увидел, как Коля сжал кулачки и подался вперёд, но Ваня удержал его, крепко обняв за плечи.

Однако порыв ребёнка не прошёл незамеченым: «чубатый» взял свечу и поднес её к самому лицу моего спасителя.

– Где-то я тебя видел, малец!

В полумраке блеснули золотые зубы, и Колины глаза в испуге расширились.

Бандит задумался. Однако «подельники» торопили, и он не стал тратить время на воспоминания, а ухватил мальчиков за уши, отвёл в чулан, который находился рядом со столовой, и запер на задвижку.

– Посидите пока там!

К счастью, «чубатый» не обладал изощрённым слухом, а то бы перешёптывание за стенкой подсказало ему, что их шайка изобличена.

Налётчики сложили ценные вещи, включая бронзовый канделябр и весь наш запас свечей и спичек, на расстеленные на полу покры-

вала и ажурную скатерть (когда её сдергивали, со стола слетел листок бумаги – Колино письмо с московским адресом для папы – и медленно приземлился почти рядом со мной, у ножки буфета), завязали в узлы и унесли, хлопнув на последок дверью осиротевшей квартиры. Грохот заглушил восклицание Вани, которое он прокричал вдогонку грабителям:

– Товарищи чекисты, а как же мы? (Молодец, пусть те думают, что одурачили «пациентов!»)

Ответом послужила тишина. Но шанс, что бандиты отвезут награбленное и вернутся за следующей партией чужого добра, был очень велик. Как и тот, что «чубатый» вспомнит, при каких обстоятельствах встречал моего маленького спасителя! Вдруг он захочет избавиться от свидетеля ужасного преступления?

От этой мысли я похолодел (а когда я холдею, у меня, как и у Людей, кожа покрывается пупырышками, а шёрстка на макушке встаёт дыбом и получается стильная причёска, я в зеркале видел!) и бросился выручать мальчиков из заточения. У нас, грызунов, цепкие лапки с острыми коготками, ничуть не уступающими кошачим (хорошо, почти не уступающими!). И мы умеем ловко карабкаться по шелковистым обоям и деревянным поверхностям! Правда, с задвижкой пришлось повозиться, но в конце концов я её победил и выпустил парнишек на свободу!

Ваня поднял белеющий в темноте бумажный квадрат и положил его за стекло опустошённого буфета.

— Нельзя здесь оставаться! — суровым тоном заявил он. — Сегодня в депо переночуем!

— Думаешь, они могут снова прийти? (Я почувствовал, как у Коли ёкнуло сердечко.)

— Лучше не рисковать! Белыш, куда ты? (Это он мне.)

Куда-куда, за жемчужиной! Уж очень не хотелось, чтобы бандиты нашли клад! Признаться, я и сам подзабыл, где та щель между паркетинами, в которой хранилось моё сокровище! За прошедшие недели, что я исполнял ненавистную роль пособника карманников, пол рассохся (вероятно, из-за горячей печки) и мест, подходящих для сокрытия мелких драгоценностей, значительно прибавилось.

Я перебегал от одной щели к другой, принюхивался, шарил лапкой — всё напрасно! От расстройства стала мерещиться Кларочка. Она укоризненно качала головой и называла меня «непутёвым». Слышать такое младшему научному сотруднику, да ещё от дамы сердца, было чрезвычайно обидно, и я вознамерился найти этот проклятый чёрный шарик во что бы то ни стало!

В состоянии, близком к паническому, я метался в темноте между «голландкой» и равнодушными к моему горю буфетами (им своих переживаний хватало), и злился

сам на себя, а заодно на грабителей, которые могли вот-вот вернуться!

— Белыш! Белыш! Нам пора! Да что с тобой? — взывали Коля и Ваня то хором, то по очереди, а я всё суетился, не в силах примириться с трагической потерей драгоценности. Она так нравилась Кларочке! К тому же должна была послужить добруму делу спасения нас от голода!

Наконец, когда я совсем отчаялся и, прекратив поиски, понуро поплёлся к мальчикам, моя левая задняя лапка провалилась в очередную щель и наступила на твёрдое и круглое — мою жемчужину! Я возликовал и вернул сокровище в самое надёжное хранилище — за щёку, где его тут же радостно встретил язык, соскучившийся по перекатыванию драгоценного шарика.

Теперь я безропотно позволил Коле сунуть меня за пазуху, и мы поспешили к выходу. Однако добраться до него не успели...

Глава 28

ПАФНУТИЙ СДЕРЖАЛ СЛОВО

Эх, нужно было мне впереди бежать, а не блаженствовать в уюте под Колиным пальтишком и любовно наглаживать оттопыренную жемчужиной щёку! Мы, грызуны,

в темноте-то лучше ориентируемся! У меня и навигатор на мордочке имеется, да и остальные органы чувств больше развиты! Я бы сразу чёрный силуэт в коридоре приметил и не попался в цепкие руки, которыми он спасителя моего заграбастал и душить принялся! А ведь Коля маленький и хрупкий, я же вообще чрезвычайно нежного телосложения и обращения требую ласкового и обходительного!

Одним словом, помирать я собрался, поскольку весь дух из меня выдавили! И помер бы, если бы Коля вдруг не всхлипнул:

– Папочка!

Тут уж, согласитесь, не ко времени было бы окочуриться! Я протиснулся выше и выглянул в просвет воротника (под Колиным подбородком как раз оставалось немного свободного пространства), чтобы глотнуть воздуха и посмотреть прямо в глаза человеку, чуть не отправившему меня на тот свет.

Не знал, что боевого офицера можно испугать внезапным появлением белого грызуна, но факт остаётся фактом! В обморок он, конечно, не грохнулся, но Колю из объятий выпустил. Так что дальнейшее проявление обоядной радости перетекло в более безопасное для моей жизни русло.

Мы закрыли дверь на ключ и, на всякий случай, подпёрли её изнутри тяжёлым комодом. Это уже после того, как мальчики пове-

дали о бандитах и своих опасениях. Теперь, когда к нашей компании присоединился настоящий военный, хотя и в гражданской одежде (от обычного фабричного рабочего не отличить, разве что выправка выдавала немирную профессию), грабители нам были не страшны! К тому же у Колиного папы имелся пистолет – необходимая по тем разбойным временам вещь!

Выяснилось, однако, что Валерий Николаевич и не помышлял рассиживаться возле тёплой печки. (Забыл рассказать, что Колю назвали в честь деда, погибшего в русско-японскую войну, тоже служил Отечеству.) Он лишь крепче обнял сынишку, когда тот сообщил о маме, и несколько минут они провели не шелохнувшись. Я даже успел его рассмотреть: высокий лоб, виски с сединой, глубокая морщина между бровей и возле губ жёсткие складки. Общую строгость лица смягчали только густые и длинные, как у Коли, ресницы, которые в отблеске «голландского» огня отбрасывали тени на впалые небритые щеки (из-за отсутствия свечей пришлось оставить открытой печную заслонку).

Впрочем, я давно собственной физиономии не видел. Вдруг моя внешность тоже посуревела от пережитых потрясений и я уже не тот очаровательный младший научный сотрудник, каким был в нашей с Вовкой экспериментальной лаборатории?!

Ха, вот почему меня испугался кадровый офицер! Раздуться от гордости помешали воспоминания об изрядном слое пыли под буфетом, где я провёл несколько часов: истинная причина испуга Колиного папы могла оказаться для меня совсем не лестной!

Мой спаситель, разумеется, представил нас родителю:

– Это Ваня. Мы теперь с ним братья. А это Белыш. Если бы не он, мы бы с тобой разминулись!

Колина реплика навела на счастливую мысль, что я – главный герой состоявшейся долгожданной встречи! Получалось, пусть и невольно, но я сдержал слово! Спасибо Кларочке, что вручила мне жемчужину, на поиски которой ушло столько времени!

Затем начались торопливые сборы: в небольшой дорожный кофр уложили самую памятную и дорогую сердцу вещь, к счастью, не приглянувшуюся грабителям, – альбом с фотографиями. Хотя самых лучших семейных портретов, что висели на стенах, увы, не вернуть (обидно, что выбросят их, ведь бандитов привлекли только позолоченные рамки!). Ещё взяли кое-что из мужской одежды (Колин папа сказал, что Ване пригодится, потому что он парень рослый).

Лишь на улице, когда под ногами захрустел снег и ушипнул мороз, Валерий Нико-

лаевич объяснил, что дорога предстоит дальняя. Есть у него знакомый, который поможет за границу перебраться, для начала – в Финляндию.

Ваня выслушал молча, а когда миновали мост через речку Фонтанку, вдруг остановился и решительно произнёс:

– Тут и попрощаемся! Не по пути нам: мне к дядьке в Москву, кочегарить буду, а потом, глядишь, и поезда водить!

Коля тут же захлюпал носом, да и моя суровая запылившаяся физиономия увлажнилась: привык я думать, что мальчиков у меня двое...

Юный помощник машиниста наклонился к Коле и потуже затянул завязки на шапке-ушанке, чтобы плотнее к голове прилегала:

– Заодно и письмо твоё передам, раз от ЧК пока ответа нет!

Всё ещё всхлипывая, мой спаситель вытащил из кармана листок.

Я прочитал: «Ленину от бывшего воспитанника детского дома Николая Менделеева...» – и (уж простите!) упал в обморок...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Русско-японская война (27 января (9 февраля) 1904 года – 23 августа (5 сентября) 1905 года) – война между Российской и Японской империями за контроль над Маньчжурией и Кореей.

Глава 29

УДИВИТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ

На этом обмороке воспоминания Пафнутия обрываются. Причин тому несколько и все уважительные.

Во-первых, закончилось действие волшебного эликсира и «младший научный сотрудник» вернулся на рабочее место, чему нескажанно обрадовался его руководитель Вовка.

Во-вторых, Брысь, добросовестно исполнивший роль летописца, не меньше Пафнутия поразился услышанной фамилии и от неожиданности взмахнул зелёной лапой, опрокинув мисочку с остатками «чернил» и оставив на исписанной странице причудливую кляксу такого же ядовитого цвета, что и его правая передняя конечность, бывшая когда-то белоснежной.

— Родственники? — ошеломлённо спросил он у таинственно ухмыляющегося крысюка.

— Эта мысль тоже не давала мне покоя, и я провёл собственное расследование! — торжественно заявил грызун.

Позволю себе заметить, что о приключениях Пафнутий рассказывал не один день. Более того, не один месяц! Получился длинный вынужденный перерыв на зиму, когда форточки не открывали и Брысь не имел возможности

ни покинуть собственного дома, ни попасть в окно к Менделеевым. А иногда выпадали настолько морозные дни, что у него и желания не возникало отлучаться с тёплой подстилки.

Изобретательный Вова и начитанный Саша окончательно превратились в закадычных друзей и, разумеется, давным-давно раскрыли секрет зелёных отпечатков, которые соединили обе их квартиры. Нашли они и тетрадные листки, тщательно спрятанные на книжной полке среди научно-технических журналов (родители выписывали их для малолетнего сына-химика).

В кошачьей стенографии – чёрточках и кружочках – мальчики, конечно же, не разбирались, но, зная о необычных способностях Брыся, совершенно правильно предположили, что их находка не что иное, как рукопись о похождениях Пафнутия, а потому всячески помогали своим питомцам, снабжая зелёнкой, бумагой и даже открывая форточки в холодное время года (при этом приходилось убеждать родителей в пользе свежего бодрящего воздуха). Ну и, само собой, на их долю выпало оттирание зелёных пятен. И это было сложнее всего! (Соседям со второго, промежуточного, этажа, чьим подоконником регулярно пользовался Брысь, чтобы перепрыгивать со своего первого на третий, оставалось только

гадать, откуда берутся необычные следы, и отмывать их самостоятельно.)

— И тебе удалось обнаружить что-нибудь интересное? — недоверчиво воскликнул исследатель приключений, заранее ревнуя, что не ему выпала честь открытия некой тайны.

Оставив вопрос без ответа, Пафнутий забрался на книжный стеллаж и вытащил из-под стопки «Юного химика» две старенькие, пожелтевшие от времени фотографии.

— Смотри, что я нашёл в семейном альбоме! — гордо произнёс крысюк.

В центре первого снимка сидел маленький мальчик с выразительными глазами и светлыми кудряшками, одетый в матросский костюмчик. С обеих сторон его нежно обнимали родители: мама — красивая женщина с задумчивым лицом и отец в форме офицера царской армии.

С другого — радостно улыбались двое усатых мужчин в кожаных куртках с меховыми воротниками и лётными шлемами в руках. Они позировали на фоне самолёта с большими звёздами на фюзеляже и тремя полосками на носу. (Брысь видел такие по телевизору в передаче про французскую авиационную эскадрилью Нормандия-Неман, которая сражалась с фашистами бок о бок с Красной Армией.) На обороте фотографии стояла дата: 25 апреля 1945 года, а ещё надпись каллиграфическим почерком:

«Дорогому отцу от сыновей Ивана и Николая. Мы живы и скоро победим!»

— Значит, Ваня всё-таки не бросил «младшего брата» и не уехал к дядьке в Москву?! — обрадовался «летописец» счастливому завершению истории.

— Думаю, это из-за меня! — Пафнутий горделиво выпятил округлившийся на сиропах живот.

— При чём тут ты? Ты вообще назад переместился! — проворчал Брысь, мысленно признавая правоту белого крысюка.

Наверное, Коля так горевал из-за внезапного исчезновения маленького друга, что юный кочегар просто не смог нанести ему дополнительную душевную травму!..

Увы, никаких подробностей о том, как сложилась жизнь названных братьев, хвостатым приятелям выяснить не удалось. Неизвестными остались и судьбы остальных героев рассказа, включая Кларочку и потомство «м.н.с.». (Думы о них порой лишали Пафнутия аппетита, не давая растолстеть окончательно и бесповоротно.)

Зато доподлинно известно, что изобретённый Вовкой «перемещатель» действует только на живую материю, а потому чёрная жемчужина, сыгравшая немаловажную роль в описанных событиях, осталась где-то там, возле моста через Фонтанку, в февральском сугробе 1919-го...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Французский истребительный авиационный полк Нормандия-Неман воевал на советско-германском фронте в 1943–1945 годах.

Дата «25 апреля 1945 г.» соответствует окончанию Восточно-Прусской операции (13 января – 25 апреля 1945 года).

Глава 30 ПАФНУТИЯ ВОДЯТ ЗА НОС

На том бы и закончилась история, но... Брысь был бы не Брысь (он, конечно, возразит, что и так не Брысь, а Ван Дейк), если бы не намотал на свои длинные кошачьи усы историю с кладом, обнаруженным Пафнутием в подвале особняка. Оставалось решить маленькую проблему... Даже не проблему, а так, проблемку, о которой опытный искатель приключений постеснялся бы упомянуть сам, а потому придётся сделать это за него: запамятаовал Брысь, кому принадлежало великолепное деревянное строение, пробудившее поэтические чувства в «младшем научном сотруднике», отправленном юным химиком Вовой Менделеевым в путешествие во времени. А спрашивать было как-то неловко – пришлось бы сознаться, что не может разобрать собственные

каракули, красиво названные им стенографией, а значит, Пафнутий напрасно ждёт рукопись о своих необычайных похождениях.

Чтобы отвлечь белого крысюка от бесплодных надежд, а заодно воспользоваться его свидетельскими показаниями относительно искомого места, предприимчивый кладоискатель решил взять Пафнутия с собой в экспедицию. Благо весенняя капель радостно веяла о победном наступлении тепла. Ну, не совсем тепла, но положительных температур, по мнению Брыся, вполне достаточных для похода за сокровищами.

Главное, мешок найти побольше. Пакеты для мусора не годились – слишком непрочные (Мартин проверял), как и те, в которых мама Лина приносила домой продукты: тронешь когтем, чтобы удостовериться, не забыла ли она купить куриное филе, тут же дырка получается. Собачьи зубы, конечно, не такие острые (а куда деваться, без помощи Мартина не обойтись! Не волочить же драгоценности по асфальту?!), но всё же лучше выбрать тару покрепче. Может, позаимствовать у Сашиных родителей чемодан, что на антресолях без дела пылится? Или у бабушки Александры Сергеевны сумку на колёсиках умыкнуть? Он бы попросил, но ведь не поймёт!

В общем, голова у любителя кладов набилась вопросами под самую макушку. Посвящать приятелей в свои далеко идущие (в пря-

мом смысле слова!) планы Брысь не собирался. Осторожный Савельич начнёт отговаривать и приводить убийственные аргументы, вроде опасностей, подстерегающих «бесхозных» котов на каждом шагу. (Будто он на себе не испытал! Небось тоже на улице пожил и знает, почём фунт лиха! Интересно только, почему «лихо» фунтами измеряется, а не километрами, например, которые приходилось пробегать, чтобы добыть пропитание?) А Рыжему так понравилось быть домашним, что было бы нечестно испытывать его верность дружбе только потому, что Брысю вздумалось заняться поиском спрятанных сто лет назад сокровищ!

Втроём справляются: он (так как всё придумал), крысюк (так как должен показать, куда идти) и Мартин (чтобы тяжести тащить)!

* * *

– Принёс? – возликовал Пафнутий, когда одним прекрасным апрельским утром в форточке кухни возникла серо-белая кошачья физиономия.

– Что принёс? – не сразу сообразил Брысь. – А, рукопись? Нет, не дописал ещё, у нас дома бумага закончилась! – соврал он, не моргнув янтарно-жёлтым глазом.

Пафнутий опечалился – ему не терпелось полюбоваться на повесть, для которой он уже и название придумал: «Приключения Пафнутия, м.н.с.». И место на книжной

полке облюбовал — между стопками журналов «Юный химик» и «Знание — сила». Однако хитрый кот всё тянул себя за хвост и придумывал бесконечные отговорки. Опять, наверное, заявился, чтобы «перемещатель» клянчить. Вовка, разумеется, опыты продолжал, но на своём «младшем научном сотруднике» больше не испытывал — боялся, что тот снова исчезнет. Поэтому бутылочки из-под валерьянки, заполненные жидкостями разной консистенции, копились в обувной коробке, что стояла под кроватью малолетнего изобретателя, и никто не ведал, какими свойствами они обладают.

— Эликсира не дам! — решительно заявил обиженный крысюк.

— Да я не за ним! — отмахнулся Брысь, и Пафнутий от удивления широко раззявили рот, так что стала видна не только верхняя, но и нижняя пара зубов, покрытых прочной жёлтой эмалью.

— Теряюсь в догадках! — растерянно проговорил он и уселся поудобнее на кухонном столе, обернув вокруг себя длинный лысый хвост, чтобы послушать гостя.

Предложение, которое сделал серо-белый питомец Вовкиного приятеля, настолько ошеломило грызуна, что его рубиновые глаза-бусины чуть не выкатились из глазниц.

— Ты хочешь взять меня в компании?! — пискнул Пафнутий (голосок-то у него тонкий!).

Он так обрадовался оказанной ему чести, что не стал докапываться до истинных причин кошачьего дружелюбия и неслыханной щедрости. (Как «экономист», он тут же подсчитал, что обещанные Брысем десять процентов от той кучи драгоценностей, что дождалась в потайной нише, это огро-о-омная сумма, которой хватит не только на новый спортивный тренажёр, но и на исполнение давней мечты Вовкиной мамы — круиз с семьёй по Средиземному морю! Пафнутий уже видел себя на палубе в тельняшке и тёмных очках. Да, ещё в бандане, чтобы голову не напекло! И крем солнцезащитный не забыть захватить, а то потемнеет шёрстка от настырного ультрафиолета!)

Заручившись согласием белобрысого грызуна, искатель приключений вылакал из мисочки молоко, любезно предложенное Пафнутием, и откланялся...

Глава 31

БРЫСЬ ИДЕТ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ

Если кто-нибудь подумал, что Брысь по-жадничал, выделив Пафнутию всего десять процентов от клада, то он неправ. На самом деле кот ожидал долгих препирательств, как в кинофильмах при делёжке сокровищ,

и собирался в процессе торгов довести долю грызуна до одной трети. Но переговоры закончились, едва начавшись, так что Брысь даже усомнился, действительно ли «младший научный сотрудник» Вовкиной химической лаборатории имеет второе экономическое образование.

Как бы то ни было, к проблеме «в чём тащить?» добавилась — «куда девать?» такую кучу драгоценностей. Ведь в характере Брыся напрочь отсутствовало стяжательство, а в поисках клада его привлекал только сам процесс, волнующий и непредсказуемый.

Всю обратную дорогу до окна своей квартиры, то есть пару секунд, которые понадобились для двух точных прыжков с подоконника на подоконник, неугомонный авантюрист и путешественник по историческим эпохам потратил на решение внезапно возникшей задачи. И когда влезал в форточку, он уже точно знал ответ: большую часть доли (или меньшую, в зависимости от того, какая сумма потребуется) отдаст Сашиным родителям, чтобы выплатили ипотеку и «вздохнули с облегчением» (так мама Лина выражалась), а оставшееся подарит Эрмитажу в лице знакомого охранника Петровича на содержание дворцовых мышеловов или приобретение новых музейных экспонатов.

Хорошо бы хватило на то и на другое, но Брысь был реалистом и не ждал, что «пещера

Алладина» окажется такой уж внушительной. Ведь Пафнутий оценивал количество сокровищ с высоты роста, в три раза меньше кошачьего, к тому же в темноте!

На что потратит свалившееся на него богатство Мартин, догадаться нетрудно. Наверняка на ерунду какую-нибудь типа латексной утки. (Старая не выдержала ежедневных истязаний в собачьих челюстях и «сломалась» — перестала пищать. Правда, вся семья этому событию обрадовалась, но пёс закручинился и с таким унылым видом таскал по комнатам умолкшую любимую игрушку, что даже Савельич его жалел, хотя философи утиный писк мешал больше всех: для придумывания умных мыслей и чтения книг требовались тишина и покой.)

Чтобы неуёмная радость Мартина от предвкушения покупки не выдала компаний с кончиками разномастных хвостов, Брысь решил ничего ему заранее не рассказывать. Во всяком случае до тех пор, пока не найдётся подходящая для переноски кладов тара.

Как ни странно, но судьба опять благоволила серо-белому авантюристу, словно ей самой было любопытно, куда занесёт путешественника на этот раз. А возможно, фортуна уже знала о грядущих событиях и в нетерпении подгоняла их непосредственных участников. В том числе Сашину маму, которой она

«напомнила», что пора менять постельное белье на чистенькое, отглаженное и вкусно пахнущее лавандовым кондиционером. Чем Лина и занялась, перед тем как уложить сынишку в кровать.

Брысь лежал на собачьей подстилке и флегматично наблюдал за неоднократно виденным действом, пока в руках у мамы Лины не оказалась наволочка. И тут его изобретательный мозг пронзило: «Вот же он, мешок для сокровищ!» Дальнейшие перемещения постельной принадлежности тайной не являлись и заканчивались в корзине для грязного белья, которая стояла в левом углу ванной комнаты. Оставалось только изъять её в нужный момент, что для рослого Мартина не представляло никаких трудностей.

Ободрённый счастливым решением последней проблемы, отделявшей от вожделенного сундука с драгоценностями, и разглядев в этом верный знак удачи, искатель приключений притворился спящим, чтобы проницательный Савельич не заметил азартного блеска в жёлтых глазах и не принял выпытывать причины подозрительного воодушевления...

На чёрном небосклоне зажглась новая звёздочка. Она мерцала необычным рубиновым светом и манила длинным лучиком, похожим... на лысый хвост Пафнутия. Брысь пригляделся. Так и есть, белобрысый грызун

опередил своих компаньонов и первым добрался до блестящих украшений. Раздосадованный кот с присущей его соплеменникам молниеносной реакцией вцепился в длинную ускользающую часть туловища «младшего научного сотрудника» и взмыл над городом.

Теперь все звёзды оказались внизу, хотя после недолгих размышлений Брысь сообразил, что просто видит огни в многочисленных окнах. Особенно ярко светился деревянный дворец, крыша которого была утыкана островерхими башенками и печными трубами. Хитрый крысюк изловчился и острыми жёлтыми зубами цапнул преследователя за испачканную зелёнкой лапу. Не ожидавший такой подлости от интеллигентного на вид помощника юного химика, Брысь разжал когти. В ушах засвистело, а один из дымоходов, самый большой, стал вдруг стремительно приближаться, норовя захватить падающего с небес кота в чумазое от сажи круглое нутро.

— А-а-а! — завопил путешественник во времени, испугавшись, что может опять переместиться в какую-нибудь неизвестную историческую эпоху и оставить: вредного грызуна наедине с кладом, эрмиков — без финансовой поддержки, а музей — без новых экспонатов.

— И меня — без говорящей утки! — прозвучал напоследок грустный голос Мартина...

Глава 32

ФОТОГРАФИЯ

Огорчение было так велико, что Брысь... проснулся. Из всего сна правдой оказались только ночное небо в просвете штор да пёс, тоскливо жующий красную латексную утку втайной надежде, что она подаст писклявый голосок. Саша спал, уткнувшись румянной щекой в подушку, а Рыжий и Савельич расположились на ковре и листали очередной фолиант о царскосельских дворцах.

Источником освещения служил уличный фонарь под окном, в который совсем недавно вкрутили лампочку взамен давно перегоревшей, и он тут же затмил яркостью луну и звёзды, чьим светом привыкли обходиться востроглазые коты-книгоочи. (Да-да, Рыжего тоже обучили грамоте, хотя он всё равно больше любил слушать, чем складывать затейливые буквы в мудрёные слова.)

Искатель приключений с удовольствием представил, как вытянутся их круглые физиономии, когда они с Мартином вернутся из экспедиции с мешком-наволочкой и вывалият перед ними гору сверкающих драгоценностей.

Вдруг Рыжий шумно всхлипнул и принялся тереть пушистой лапой глаза-блюдца,

а на глянцевых страницах появились прозрачные кляксы. Более сдержаный философ хмурился и сокрушённо вздыхал. Сначала Брысь подумал, что друзья догадались о его намерениях и переживают, как бы с ним не приключилось беды, но взгляды их были устремлены в книгу, и заинтригованный кладоискатель подкрался ближе, чтобы посмотреть на причину расстройства бывалых путешественников во времени.

Ничего особенного он не увидел. Обычная чёрно-белая фотография чьей-то большой семьи: невысокого роста мужчина в пышных усах и небольшой бородке, одетый в мундир с аксельбантами, и приятного вида женщина с гордой осанкой и доброжелательным взглядом, вероятно, приходились родителями четырём милым барышням и худенькому подростку. На руках у девушек замерли, тоже позируя фотографу, две собаки, размерами уступающие даже котам: французская бульдожка и пёсик неизвестной породы, а к ногам мальчика жался английский спаниель с длинными кудрявыми ушами.

Судя по юбкам, прикрывающим щиколотки, и блузкам с высоким, под горлышко, воротом, а также явно несовременной военной форме, в которой красовался отец семейства, люди эти жили давным-давно и так же давно упокоились.

Удивлённый Брысь решился потревожить искреннее горе друзей и осторожно спросил:

– Кого оплакиваете?

– Их! – Рыжий смахнул с лошёной страницы мокрые следы своей скорби.

– А кто это?

– Семья последнего российского императора Николая Второго, – мрачно ответил Савельич.

– Всех убили, не пожалели ни детей, ни собачек, – добавил пушистый эрмик сдавленным от рыданий голосом.

Брысь ошеломлённо молчал, переваривая услышанное: так вот как трагично окончилось трёхсотлетнее правление Романовых, с которыми его связывало столько воспоминаний!

– Но у кого поднялась рука, чтобы совершить такое злодеяние? – наконец вымолвил он, воскрешая в памяти покушения на Александра Второго, своего бывшего друга и хозяина, приходившегося последнему царю девушкой.

– У большевиков! – хмуро сообщил начитанный философ.

– А почему эта фотография в альбоме о достопримечательностях Царского Села? – спросил Брысь, стараясь больше не смотреть на снимок, от которого щипало в глазах и подозрительно хлюпало в носу.

– Потому что семья государя с 1905 года жила не в Петербурге, а здесь, в Царском

Селе, в Александровском дворце. Тут их арестовали после первой революции весной 1917-го, а потом увезли на Урал, в город Тобольск. Они полагали, что отправляются в ссылку, и поэтому взяли питомцев с собой, — разъяснил Савельич. — Затем их переправили в Екатеринбург и там жестоко казнили 17 июля 1918 года.

Сзади раздалось громкое сопение Мартина. Пёс выглядел ужасно несчастным. Он вдруг представил на месте маленького Наследника российского престола своего обожаемого Сашу... Уж он бы сумел защитить любимого хозяина! А от этих породистых мальвок никакого толку! Разве что беззаветная преданность...

Оставшуюся часть ночи Брысь ворочался без сна, стараясь выкинуть из головы грустные думы о бессмысленной жестокости человеческого мира и переключиться на приятную тему предстоящих поисков сокровищ, спрятанных, кстати, владельцами особняка в том же злосчастном 1917-ом, расколовшим множество судеб похлеще любой войны...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Николай Второй Александрович (6 (18) мая 1868, Царское Село – 17 июля 1918, Екатеринбург) – Император Все-российский, Царь Польский и Великий Князь Финляндский,

Император Российской Империи (20 октября (1 ноября 1894 – 2 (15) марта 1917). Из императорского дома Романовых. Правление Николая Второго ознаменовалось экономическим развитием России и одновременно ростом в ней социально-политических противоречий, революционным движением, вылившимся в революцию 1905-1907 годов и Февральскую революцию 1917 года. Во внешней политике – экспансией на Дальнем Востоке, войной с Японией, а также участием России в военных блоках европейских стран и Первой мировой войне.

Расстрел семьи бывшего российского императора Николая Второго и четырех членов свиты был осуществлён в полуподвальном помещении дома Ипатьева в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 года во исполнение Постановления исполкома Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, возглавляемого большевиками. Большинство современных историков сходится во мнении, что принципиальное решение о расстреле было принято в Москве руководителями Советской России Лениным и Свердловым. Останки пяти членов императорской семьи, а также четырех членов свиты и троих питомцев были найдены в июле 1991 года. 17 июля 1998 года останки членов императорской семьи были захоронены в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. В июле 2007 года были найдены останки царевича Алексея и великой княжны Марии. Николай Второй и члены его семьи канонизированы Русской Православной церковью.

Александровский дворец (устар. Новый Царскосельский дворец) – один из императорских дворцов Царского Села (ныне город Пушкин). Построен в стиле классицизма в 1792–96 гг. по распоряжению императрицы Екатерины II в подарок к бракосочетанию её внука, великого князя Александра Павловича, будущего императора Александра Первого. Проект дворца составил Джакомо Кваренги. К дворцу прилегает обширный парк с озером. С 1905 года – основная резиденция императорской семьи.

Глава 33

КОМПАНЬОНЫ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ПУТЬ

Как только за последним домочадцем захлопнулась дверь, Пафнутий выбрался из клетки, примчался на кухню и теперь, сидя на подоконнике, в нетерпении караулил компаньона. В открытую форточку врывались уличные звуки: урчание автомобильных моторов; крики малышни, играющей на детской площадке; лай собак, обсуждающих последние бытовые новости, связанные в основном с неприятной необходимостью мыть лапы после прогулок, так как стаявший снег оставил после себя грязную жижу; радостно-оживлённый птичий щебет и трескотня бабушек, которые с наступлением весны снова оккупировали лавочку возле подъезда. Серо-белый возник, как всегда, неожиданно, и Пафнутий ойкнул (тоже, как всегда).

— Ну что, готов? — сразу перешёл к делу Брысь. Ещё ночью он решил, что необходимо провести разведывательные мероприятия и лишь потом привлекать к «операции» суматошного пса.

От внезапного волнения «младший научный сотрудник» не смог выдавить ни слова и только моргнул рубиновыми бусинами.

— Тогда догоняй! — бросил кот и снова скрылся в форточке.

Пафнутий вскарабкался по занавеске и выглянул во двор. Конечно, по сравнению с 1919 годом, мир изменился в лучшую сторону, но всё равно за стеклом выглядел гораздо привлекательнее, чем вот так, нос к носу со свежим воздухом... Кот был уже внизу и наблюдал за робким грызуном, недовольно щуря жёлтые глазищи.

— Прыгай! — повелительно крикнул он и отодвинулся, освободив площадку для приземления.

Пафнутий хотел воспротивиться небрежно продуманному плану и объяснить, что он не белка-летяга, но побоялся рассердить «руководителя экспедиции» своей нерешительностью. А потому зажмурился и оттолкнулся всеми четырьмя лапками.

Полёт длился недолго. То есть космонавтом он себя почувствовать не успел, зато сполна ощутил вязкую мягкость той самой жижи, на которую сетовали собаки.

— Дурачок! С подоконника на подоконник нужно было прыгать! — раздался насмешливый голос бывшего летописца, хотя показная издёвка скрывала обеспокоенность за здоровье белобрысого «проводника». Впрочем, белобрысым его можно было называть теперь лишь с большой натяжкой, разве что со спины.

Пафнущия, однако, так распёрло от гордости за собственную смелость, что он с оптимизмом воспринял даже изменение окраски. «Высохнет грязь — сама отвалится!» — подумал «младший научный сотрудник» и бодро припустил к асфальтовой дорожке. Брысь потрусили следом, радуясь уверенности, с какой передвигался грызун. Около примыкающего к дому пустыря радость оборвалась вместе с асфальтовым покрытием, а крысюк уставился на «руководителя экспедиции» в ожидании дальнейших распоряжений.

— Что остановился? Веди! — нетерпеливо воскликнул искатель приключений, гоня прочь охватившие его сомнения.

— Я?! — изумился Пафнущий. — Откуда же я знаю, куда идти?!

Брысь открыл рот, чтобы возмутиться бесполезностью напарника и съязвить, что за десять процентов хорошо бы знать, но рубиновые глаза-бусины смотрели с такой надеждой и верой в могучий кошачий интеллект, что он удержался от сарказма.

— Ладно, пойдём простым логическим ходом! — вспомнилась ему фраза из фильма, который в новогодний вечер показывали по всем телевизионным каналам.

— Пойдём! — легко согласился Пафнущий, не очень представляя, куда приведёт их это направление.

— Ты говорил, что дом медсестры Шурочки тоже был деревянный, — принялся рассуждать Брысь.

Крысюк, затаив дыхание, следил за изгибами мысли мудрого кота, волею несчастного случая доставшегося ему в компаньоны.

— Значит, какой мы делаем вывод? — озадачил Брысь помощника юного химика.

Тот старательно наморщил лоб и покопался в голове, но каких-либо умозаключений в ней не обнаружил и снова с надеждой взирался на «руководителя экспедиции».

Не дождавшись ответа, Брысь торжественно произнёс:

— Значит, твой особняк расположен в старой части города! Наверняка возле парков с царскими резиденциями! А там я уже бывал! За мной!

И окрылённые догадкой кладоискатели устремились на встречу с «пещерой Алладина»...

Глава 34

ПАДЕНИЕ

Пробежав несколько метров по тротуару, Брысь вдруг остановился с обескураженным видом. Пафнутий, который семенил позади, стараясь не сильно отставать, нагнал компаньона и озадаченно спросил:

— Что-нибудь забыли?
— Мы странная парочка, ты не находишь?
— Пожалуй! — расстроился «м.н.с.», представив, как они выглядят со стороны: большой ухоженный кот и преследующий его чумазый грызун. Такая необычная последовательность привлечёт чересчур много внимания, а сокровищ на всех не хватит!

— Что же делать? — взволновался Пафнугий (будет жаль, если охвативший его кладоискательский задор израсходуется понапрасну, не принеся никаких дивидендов: ни спортивного тренажёра, ни морского круиза!).

— Придётся добираться окольными путями! — вынес решение «руководитель экспедиции» и свернул с удобного асфальта в прошлогоднюю траву, стряхнувшую снег и вновь зеленеющую на весеннем солнышке.

Пафнугий обрадовался, что тельняшка, бандана и тёмные очки не отменяются, и поспешил за котом, исчезнувшим в зарослях.

Увлечённый поиском тропинки посуше, чтобы не слишком испачкаться, Брысь упустил момент, когда перестал слышать шорох от волочащегося по земле длинного лысого хвоста своего маленького спутника.

Сначала он подумал, что грызун отстал, не поспевая за ним на крошечных лапках, и подождал какое-то время, напрягая слух, однако младший компаньон будто испарил-

ся. Недоумевающий кладоискатель отправился в обратном направлении, вглядываясь в мягкую, пресыщенную влагой почву и выискивая отпечатки миниатюрных коготков. Однако ничего не обнаружил — так бесследно исчезали разве что мясные кусочки в пасти Мартина!

На всякий случай Брысь огляделся, но не увидел никого, кому бы Пафнутий мог приглянуться и послужить лакомством. Тем не менее сердце сжалось от нехорошего предчувствия, а совесть принялась попрекать, что втянул несмышлёныша (пусть даже он и считается в определённых кругах «тварью с интеллектом») в такое опасное предприятие, как поиск сокровищ.

Переживания за питомца Вовы Менделеева заставили чистоплотного кота приникнуть к самой земле, так что белоснежная шёрстка на упитанном животе соприкоснулась с апрельской грязью, и ещё раз исследовать каждую пядь пройденного пути.

Тщательность, с какой Брысь разглядывал все впадинки и трещинки, наконец увенчалась успехом — он обнаружил провал. Отверстие было не больше кротовьей норы, но поскольку никаких других идей, куда мог подеваться напарник, не возникло, то «руководитель экспедиции» распластался возле дыры и крикнул:

— Эй, Пафнутий, ты там?

И приложил ухо, чтобы не пропустить ответ, если таковой последует.

Из-под земли раздался слабый писк. Впрочем, это могли переговариваться обычные мыши-полёвки, населяющие «нижние этажи» пустыря. Однако нельзя было исключить, что звук исходил от «младшего научного сотрудника», а потому Брысь занялся расширением лаза.

То ли он чересчур рьяно копал, то ли слой почвы в том месте не отличался особой толщиной, но через мгновение искатель приключений сам летел вниз. Падение длилось несколько секунд, за которые путешественник во времени успел пожалеть, что не остался сегодня дома — лежал бы на тёплой подстилке под уютным собачьим боком и слушал рассказы Савельича о семье последнего российского императора. Хотя нет, эта история чересчур грустная...

— Прости, всё произошло из-за моей невнимательности!

Брысь очнулся — оказалось, он уже достиг дна и теперь лежал на животе в холодной луже. Рядом сидел унылый Пафнутий, стыдившийся признаться, что больше всего скорбит по откладывающемуся на неопределённый срок отпуску. Брысь планов на лето не имел, поэтому сокрушался лишь о препятствии, которое внезапно помешало походу за кладом.

Через дыру проникал солнечный свет, и несостоявшийся спонсор Сашиных родителей и Эрмитажа огляделся. Место, куда они угодили, было явно не природного происхождения, а делом рук человеческих – бетонным бункером. Брысь измерил шагами ширину. Она оказалась примерно такой же, что и в оставленной им уютной детской, то есть около трёх метров, а высотой... (искатель приключений задрал голову) – в три этажа, не дворцовых, конечно, а обычных, городских. Верхняя плита растрескалась от воды, морозов и вездесущих корней. Длину помещения определить не удалось, так как дальняя его часть тонула во мраке...

Глава 35

БРЫСЬ СТРОИТ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Брысь окинул спутника оценивающим взглядом – выдержит ли он испытание мрачным холодным подземельем, но крысюк истолковал таинственное мерцание кошачьих глаз по-своему и разволновался.

– Ты хорошо покушал перед дорогой? – осторожно спросил он, не в силах скрыть тревогу.

Искатель приключений развеселился, даже хотел соврать, что вообще забыл

позавтракать. Но грызуна было не до смеха, и Брысь успокоил: как опытный путешественник наелся впрок, что, кстати, настолько соответствовало истине, что чуть было не явилось причиной переноса экспедиции на более поздний срок!

Пафнутий с облегчением перевел дух:

— Мы спасёмся?

«Руководитель» озабоченно потрогал гладкие мокрые стены — по таким обратно вверх не заберёшься!

— Придётся искать другой выход!

— Там?! — помощник юного химика с ужасом уставился на исчезающую во тьме часть бункера.

— А ты представь, что мы в том самом подвале, где лежат наши сокровища! К тому же здесь нет ни собак, ни кошек, которые могли бы тобой заинтересоваться, а значит, случилось то самое добро, без которого не бывает худа! — расфилософствовался искатель приключений и отважно ринулся вперёд.

Пафнутий бросился следом, боясь отстать и вlipнуть в новую неприятность — он и так натерпелся страха, пока падал в жуткую черноту, а потом ждал, дрожа от холода, когда компаньон его найдёт! (Хорошо, что это случилось до того, как он потерял бы веру в дружбу, а главное, в сообразительность своего бывшего летописца, на которую те-

перь, что уж там лукавить, была вся надежда!)

Размеры помещения увеличивались прямо пропорционально количеству сделанных кладоискателями шагов, и вскоре они поняли, что очутились в заброшенном туннеле. Скитания по вентиляционной системе Зимнего дворца научили Брыся не забывать о метках, и он тщательно тёрся щеками о стены при каждом повороте. Впрочем, его пахучие знаки тут же смывала струящаяся по бетону вода.

Питомец Вовы Менделеева держался мужественно — суровая година, в которую забросил своего помощника юный химик, закалила характер белобрысого крысюка. Он шуршал длинным хвостом, не выпуская «руководителя экспедиции» из поля зрения, и, чтобы скрасить мрачную обстановку, задавал вопросы и высказывал предположения обо всём, что попадалось на пути:

- А зачем по стенам кабель тянется?
- А почему тут рельсы и шпалы?
- Может, железная дорога под землю провалилась?
- Интересно, мы успеем вернуться к ужину?
- А сколько километров мы прошли?
- А кто всё это построил?
- А для чего?

Брысю быстро надоело слушать писк (голосок-то у Пафнутия тонкий!), и он даже

пожалел, что у котов такой отменный слух, настроенный как раз на частоту грызунов. Сначала он поддерживал беседу короткими репликами:

- Не знаю!
- Понятия не имею!
- Это вряд ли!
- Не считал!
- Ты заткнёшься когда-нибудь?!

И лишь вопрос о предназначении подземного сооружения заставил его действительно задуматься.

То, что железную дорогу специально строили под землей, не вызывало ни малейших сомнений. (Потому что если бы такая большая конструкция упала сверху, то там, на поверхности, осталась бы огромная дыра! А ни о чём подобном Брысь за приведённые в Царском Селе несколько месяцев не слышал!) Возраст растрескавшихся бетонных стен опытный путешественник во времени оценил лет на сто с хвостиком, но не таким длинным, как у Пафнутия. Напрашивался вывод, что затевалось сие грандиозное по масштабам предприятие не иначе как последним императором! Вот только зачем, если уже существовала наземная ветка, которая связывала Петербург с летними резиденциями? По ней и передвигаться приятнее: ландшафты за окошком не дают заскучать взору, солнышко экономит

электричество для освещения, свежий воздух, наконец!

Брысь внезапно остановился и, обернувшись к семенящему позади спутнику, возбуждённо воскликнул:

— Я понял, что это такое! Метро!

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Существование царского метро не более чем легенда, поскольку никаких документальных подтверждений этому нет. Однако известно, что ещё в 1902 году инженер Пётр Иванович Балинский подал на рассмотрение Московской городской Думы свой проект строительства метрополитена в Москве. Теоретически всё было возможно, ведь у россиян уже был опыт строительства Транссиба, когда рельсы прокладывали прямо сквозь скалы. Бывший декан Ленинградского сельскохозяйственного института Владимир Николаевич Смирнов стал единственным человеком, которому удалось найти хоть какой-то след подобных документов в архиве Льва Толстого. В.Н. Смирнов утверждал, что своими глазами видел широкий тоннель, соединявший Екатерининский и Александровский дворцы с павильоном Арсенал, а также ход между Александровским дворцом и кухней. Последний был изогнут, а по его полу проложены рельсы. Старожил Царского Села Григорий Иванович Лёвшин ещё в советские времена рассказывал краеведам, что в 1911 году он спускался по винтовой лестнице башни Шапель в подземелье на глубину около восьми метров и видел просторный тоннель с земляным полом, который, по его словам, забетонировали в 1920 году по приказу местного комиссара. А купец Илья Морозов с восторгом вспоминал широкие тоннели, которые вели к железнодорожной станции Александровская: мощные стальные конструкции и море ослепительного электрического

света. Наверх он вышел возле Царскосельского лицея. Ранее была легенда, что при Николае Втором в Царском селе строились две железные дороги: одна наземная, а вторая подземная.

Глава 36

НЕМНОГО О ЧЕШУЙЧАТЫХ

Пафнутий восхитился умом компаньона. Лично он метро никогда не видел, но слышал, что там проживает большое количество его дальних серых родственников.

— А если метро «царское», то почему не достроили? Сокровища в казне закончились?

— Наверное, что-то помешало, — предположил бывший Придворный Кот (уж он-то знал, что на хранившиеся в императорской семье драгоценности не одну подземку можно было соорудить!). — Первая мировая война или революции...

— А если мы будем идти по шпалам, то выйдем на станцию? — продолжал Пафнутий донимать вопросами «старшего» кладоискателя.

— Куда-нибудь да выйдем!

В голосе Брыся звучала уверенность, хотя в его душе поселились опасения, не окажется ли это «куда-нибудь» самим Петербургом? Уж там точно не принято разгуливать по улицам в компании с крысом, пусть даже за время пути с него осыплется грязь и он снова побелеет!

Впрочем, долго пребывать в неизвестности не пришлось — компаньоны упёрлись в бетонную стену. Пафнутий благожелательно взглянул на кота, втайне радуясь, что не он отвечает за успех предприятия.

— Тупик? — сочувственно поинтересовался помощник юного химика.

В интонациях Вовкиного питомца Брысю послышалось некоторое ехидство, и он рассердился: если бы этот «м.н.с.» смотрел себе под лапы, то ничего бы не случилось и, возможно, они уже стали бы обладателями несметных богатств! Однако бывалый путешественник счёл ниже кошачьего достоинства высказывать вслух недовольство безответственным поведением «твари с интеллектом».

— Что-то я проголодался! — вместо упрёков задумчиво произнёс он и покосился на мгновенно притихшего спутника.

«Думай, Пафнутий!» — мысленно засуетился тот, обшаривая препятствие глазками-бусинами. Они-то и наткнулись на...

«Змеи!» — «м.н.с.» икнул и... упал в обморок.

— Эти пресмыкающиеся заглатывают добычу целиком, питаясь в основном мелкими птицами и грызунами. Некоторые виды предварительно парализуют свою жертву ядом, — отчётливо раздался в голове несчастного кладоискателя голос приятного старишка, ведущего программу «В мире животных» и с одинаковой любовью относящегося как

к чешуйчатым убийцам, так и к симпатичным зверькам с длинными лысыми хвостами.

Именно за эту далеко выдающуюся часть организма, обездвиженного страхом (а может, уже отведавшего губительной отравы!), немилосердно дёргал какой-то гад ползучий, норовя оторвать. Пришлось выбираться из спасительного бессознательного состояния, чтобы принять смерть с мужеством, полагающимся научным сотрудникам серьёзных исследательских лабораторий.

«Гадом» оказался знакомый серо-белый кот, с которым они собирались вместе куда-то сходить... Кажется, за оставленным Пафнутием кладом.

Память возвращалась так же медленно, как и способность двигаться. Добравшись в своих воспоминаниях до момента падения в обморок, любитель сокровищ покосился на бетонную стену — по ней всё так же ползли заклятые враги грызунов. Толстые и тонкие, они извивались чёрными канатами по всей поверхности.

Богатое электричеством сердце в отчаянии заколотилось (как показалось Пафнутию, уже где-то в глотке, словно пыталось вырваться из обречённого тельца), но, прежде чем опять погрузиться в глубокое бесчувствие, питомец Вовы Менделеева уважительно обратился к храброму спутнику:

— Ты их совсем-совсем не боишься?!

– Корней? – изумился «руководитель экспедиции» и смело подёргал одну из «змей» за хвост.

Пафнутий резво поднялся и принялся деловито отряхиваться, стараясь скрыть смущение.

– У меня есть план! – заявил он в надежде реабилитироваться в больших жёлтых глазах.

– У меня тоже!

– Хорошо, говори первый! – любезно отодвинул помощник юного химика минуту собственной славы.

– Ты взберёшься по корням, пардон, змеям, – не удержался от язвительного укола Брысь, – и найдёшь лаз, только такой, чтобы я поместился!

Пафнутий приуныл – и тут не удалось блеснуть! Точно такая идея возникла и у него, только, видимо, значительно позже. Конечно, у кота вон сколько времени было на раздумья, пока «тварь с интеллектом» в обмороке валялась!

Хорошо хоть именно ему выпадет честь спасения их экспедиции из бетонной ловушки! Согреваемый этой отрадной мыслью, Пафнутий уцепился за свисающий почти донизу корень, искусно прикинувшись чешуйчатым, и полез вверх, стараясь не оглядываться и не представлять себя морячком в тельняшке, бандане и тёмных очках, который бы отважно карабкался в самый сильный шторм на самую высокую мачту посреди самого глубокого моря. Поскольку и без того было очень страшно...

Глава 37

НОВЫЕ ТРУДНОСТИ

Брысь провожал взглядом Пафнутия, пока тот не уменьшился до размеров обыкновенной мыши, а потом и вовсе не исчез среди древесной бахромы. Сквозь отверстия, проделанные настырными корнями в бетонной плите, вместе с водой просачивался свет, и путешественник во времени с замиранием сердца гадал, не обернулось ли падение в подземелье гораздо большими неприятностями, чем просто отставание от графика кладоискательских работ.

— Ну, что там? — нетерпеливо крикнул он.

— Для тебя пока нет ничего подходящего! — прозвучал сверху писклявый ответ.

Чтобы скоротать ожидание, Брысь ухватился за самый толстый отросток и, оттолкнувшись задними лапами от сырой стены, принял раскачиваться, как на «тарзанке». Смелые мальчишки ныряли с таких в речку, а у серо-белого любителя острых ощущений были все основания считать себя смелым, к тому же нырять он никуда не собирался. Так, просто немножко развлечься. Очень скоро, однако, у кота закружилась голова, и он выпустил импровизированную верёвку — видимо, его замечательный вестибулярный

аппарат годился только для падений с крыши Зимнего дворца.

Мимо пролетел и шлётнулся в холодную лужу «младший научный сотрудник», судя по всему, не справившийся с возложенной на него миссией. Следом посыпалась комья земли. «Руководитель экспедиции», не слишком церемонясь, схватил грызуна зубами за шкирку (хорошо, что охотничий инстинкт сработал быстрее обычного мыслительного процесса!) и отскочил в сторону, а на то место, где они только что приходили в себя, рухнул кусок бетона с торчащей из него ржавой арматурой.

Пришлось снова приводить чувства в порядок. Зато стало значительно светлее, да и дыра, образовавшаяся в результате кО-таклизма (да-да, не примись Брысь раскачивать корень, не случилось бы того, что случилось!), вполне позволяла выбраться из плена и продолжить путь к богатству и славе. Впрочем, благотворительность, которой собирался заняться будущий счастливый обладатель клада, предполагала анонимность, а значит, о всеобщем признании лучше сразу забыть, чтобы потом не расстраиваться, когда никто не узнает на улице и не попросит автограф.

Всё это Брысь додумывал уже на поверхности, пока вылизывал шерсть, придавая ей необходимую котам чистоту. Пафнутий тоже

скрёб себя лапками, помогая кое-где язычком и радуясь возвращению белизны.

Добившись опрятного внешнего вида, «руководитель экспедиции» с опаской огляделся (мог бы, конечно, сразу, но очень боялся увидеть что-нибудь, чего бы видеть не хотелось – уж слишком неспокойной и даже жестокой была российская история!). Спасительные корни принадлежали огромному старому дубу, вместе с другими раскидистыми гигантами образующему целую рощу. Почки ещё только начинали наливаться жизненной силой, а прозрачную голубизну неба насквозь пронизывали солнечные лучи, так что день вполне походил на тот апрельский, когда компании отправились за сокровищами.

Неподалёку раздалось шуршание: какая-то глупая мышь покинула норку, даже не убедившись, что поблизости нет опасности, и принялась копошиться в прошлогодних желудях.

– Пойди узнай у неё, какой нынче год! – приказал Брысь помощнику юного химика и отвернулся (не хватало ещё, чтобы охотничий инстинкт лишил их источника важной информации!).

Пафнутий искренне удивился – ведь они всего-навсего под землю провалились, а не эликсира перемещений отведали?! Но тон, которым старший компаньон отдал распоряжение, не располагал к расспросам, а тем более – неповиновению, и питомец Вовы Менделеева

отправился беседовать с дальней родственницей (в их семье таких называли загадочно — «седьмая вода на киселе», ну а эта была бы... семьсот семьдесят седьмая!).

— Ну? — с затаённой надеждой обратился Брысь к белобрысому компаньону, когда тот вернулся.

Пафнутий развёл крошечные лапки в стороны:

— Не в курсе она!

— Как это? — не поверил путешественник во времени.

— Вот так! Живёт себе на одном месте и в ус не дует! — беззаботно добавил «м.н.с.». — Да в чём проблема-то? Давай лучше спросим, далеко ли клад?

— Ладно, спроси! — милостиво кивнул бывший летописец.

— Нет уж, лучше ты! Потому что я не помню, чей был дом!

Брысь похолодел.

— Как ты можешь не помнить, если ты мне сам же и рассказывал?! — возмутился он.

— Как, как? Очень просто! Рассказал — и забыл! Ты же записал, так зачем память отягощать лишними сведениями?! У меня голова маленькая, я в ней храню лишь самое необходимое!

— Но ты ещё сравнивал имя архитектора с главным орудием химиков! — уцепился искатель приключений за последнюю соломинку.

— А, точно! Дом Кольба! — радостно за-
вопил Пафнутий, но, окинув критическим
взглядом замершую возле норки мышь, снова
помрачнел: — Не похожа она на знатока вели-
ких зодчих!

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

До революции в Пушкине было множество деревянных домов. На сегодня таких домов осталось всего 40. Три дома из этих 40 построены по проекту незаслуженно забытого сейчас архитектора Александра Христофоровича Кольба (1819–1887). По окончании Императорской Академии художеств А.Х. Кольб провёл 6 лет в пенсионерской поездке по границе: посетил Германию, Италию, Францию, Египет и другие страны. Везде делал перспективные виды достопримечательностей, которые привёз в Россию. Здесь он поступил на должность архитектора при Инженерном департаменте Военного министерства. Помимо казённых работ выполнял частные заказы. В Царском Селе все его работы — это частные заказы дач, которые были построены на границе с Отдельным парком с двух сторон: на Московском и Павловском шоссе.

Глава 38

КЛАДОИСКАТЕЛЯМ УКАЗАЛИ ПУТЬ

Брысь не привык опускать лапы перед трудностями.

— Пусть она у своих спросит! Их же миллионы! Кто-нибудь дом по внешним признакам узнает! Ты, главное, деталей побольше сообщи, про кладовую и бассейн с рыбой!

Пафнутий снова отправился исполнять роль посредника, а искатель приключений поджидал в сторонке, за кряжистым стволом дуба, чтобы не напугать аборигенку, которая, кстати, вела себя чересчур беззаботно. Видимо, никогда не встречала котов и не подозревала, что мягкий на вид зверь на самом деле свирепый хищник.

Выслушав дальнего родственника (тоже до сей поры не виданного!), местная жительница скрылась под землёй. Отсутствовала она довольно долго, так что «младший научный сотрудник» успел заскучать, а путешественник во времени – рассмотреть неподалёку гладь большого пруда, в котором уже вовсю плескалось небо, как всегда первым открывшее купальный сезон.

За дубравой желтело длинное здание с белой колоннадой. Александровский дворец! Каким Брысь запомнил его в начале Великой Отечественной войны (до того, как последовал за Янтарной комнатой, похищенной нацистами из другого царскосельского дворца, Екатерининского) и каким видел его в толстом фолианте про достопримечательности города Пушкина. Поэтому ясности в вопросе возможного перемещения в другой исторический отрезок не прибавилось.

Зато стало совершенно очевидно, что недостроенное «царское метро» вывело кла- доискателей к бывшей императорской рези-

денции, что, впрочем, было весьма логично и гораздо лучше, чем оказаться в много-людном Санкт-Петербурге в сопровождении грызуна.

Путь домой на Детскосельский бульвар (если, конечно, таковой уже возник на карте местности) трудностей не представлял, ведь для фотографической кошачьей памяти вспомнить однажды пройденный маршрут от клумбы под окном до парковой ограды (пусть он и бежал тогда за Мартином, не особенно взглядываясь в пейзаж) – раз плюнуть. Брысь хотел подтвердить мысль делом, но в пасти, как назло, пересохло и пришлось ограничиться теорией, тем более что возвращаться, не выполнив задуманного, он не планировал.

Наконец показался Пафнутий, но не один, а в сопровождении старой коричневато-серой мыши, которая с опаской выглядывала из-за его широкой талии. (Хотя юный химик Вова Менделеев и перестал испытывать на подопечном сладкие волшебные эликсиры, похудеть «младшему научному сотруднику» не удалось, поскольку не хватало силы воли равнодушно взирать на полные вкусной еды мисочки.)

– Вот! Познакомься! Это Шуша! Говорит, что догадывается, о каком доме речь – у неё там старинная приятельница живёт! – довольный успехом, отрапортовал Пафнутий.

«Руководитель экспедиции» обрадовался и, чтобы подбодрить испуганную представительницу местной фауны, широко улыбнулся, обнажив великолепные ослепительно-белые клыки. Мышь закатила глазки-бусинки и опрокинулась на спину, оставив лапки поднятыми кверху.

— Какие вы, грызуны, нервные! — воскликнул раздосадованный новым осложнением кладоискатель и, схватив дальнюю родственницу своего компаньона только что продемонстрированными роскошными зубами, оттащил к воде.

— Ты её утопишь?! — просипел Пафнутий севшим от ужаса голосом.

Брысь чуть не подавился от нелепого предположения — даже если бы Шуша не являлась ценной проводницей, зачем же добро переводить?! Он сердито бросил свою ношу, утолил жажду и поплавал на обездвиженную мышь (благо теперь было чем!).

Холодный душ помог: новая знакомая открыла глазки и поняла, что самое худшее ещё впереди, а Брысь понял, что ему не удалось внушить симпатию и лучше беседовать через посредника.

— Пусть подробно расскажет дорогу! — отходя подальше, велел он Пафнутию.

Заикаясь и повторяя по нескольку раз одно и то же, Шуша принялась втолковывать белому крысу маршрут, всё ещё не веря,

что странная парочка не намерена лишать её жизни.

Брысь морщился, вслушиваясь в писк, который теперь казался ему до невозможности противным (уж коли не доведётся закусить его источником!), и наматывал на длинный ус количество и порядок поворотов налево-направо, потому что рисковать и полагаться на память «твари с интеллектом» он больше не собирался. Хотя... компаньонам предстояло довериться памяти старой мыши, что тоже не вселяло в «руководителя экспедиции» особой надежды.

Как бы то ни было, проследовав в точности согласно описанию и отмахав не менее двух километров – сначала вдоль решётчатой ограды, опоясывающей дворцовые парки, потом по улицам, затаиваясь в придорожных кустах и пережиная опасности в виде вполне современных автомобилей и людей, спешащих по своим делам (коты и собаки тоже попадались, но, озабоченные весенним настроением, они не обращали внимания на необычный союз кладоискателей), – путники добрались до указанного Шушей места.

Из груди Пафнутия вырвался сдавленный вздох...

Глава 39

«ДВОРЕЦ»

Брысь разочарованно опустил усы.

— Что? Не он?

— Он! Только обветшал-то как! — «м.н.с.» прижал к белобрысым щекам крошечные лапки и приобрёл горестный вид.

Строение, открывшееся взору кладоискателей, и впрямь не вызывало того восторга, с каким описывал его Пафнутий: краска на рассохшихся за прошедшее столетие досках облупилась; парадное крыльцо покосилось; вместо резной двери с чудесными витражами вход преграждала металлическая уродина, выкрашенная масляной краской в непонятный цвет; стёкла во многих окнах были выбиты, и в рамках торчали осколки, а наружу выбивались грязные занавески. Островерхие башенки и печные трубы уныло смотрели ввысь, не радуясь ни весенней прозрачности неба, ни счастливому щебетанию птиц в кронах старых деревьев, что окружали отживший свой век дом.

— Мда... Ведь и сгореть мог, и под бомбёжку в войну попасть, а поддался только времени и человеческому равнодушию! — вынес философский вердикт «руководитель экспедиции» и в нетерпении задёргал полосатым хвостом. —

Может, оно и к лучшему, что тут всё такое заброшенное, никто не помешает!

Пафнутий, с трудом отгоняя нахлынувшие воспоминания, отрешённо подумал, что где-то здесь живут его потомки: серенькие (в Кларочку) и беленькие (в него) или в пятнышках (в обоих родителей). Но подсчитывать, какой «водой на киселе» он им является, «младшему научному сотруднику» не хватило арифметических знаний. Вот был бы калькулятор...

Брысь словно догадался, какие мысли бродят в голове компаньона, и озабоченно произнёс:

— Надеюсь, твои многочисленные наследники не растащили наши сокровища!

Это предположение тут же взбодрило будущего мореплавателя и, отринув родственные чувства, он кинулся знакомой дорогой к секретному отверстию. В отличие от деревянных частей дома, каменный фундамент почти не изменился (если не считать, что слегка просел в нескольких местах), и неприметная дыра, которую прогрызли Кларочкины прапра... словно поджидала гостей.

— Но она такая малюсенькая! — пришёл в отчаяние Брысь: ему очень хотелось лично присутствовать при осмотре «пещеры Алладина»!

— А как иначе? — удивился Пафнутий. — Это же потайной вход!

— Ты гений! — отреагировал старший кладоискатель самым неожиданным образом и пояснил компаньону, ошарашенному лестным высказыванием: — Раз есть потайной, должен быть и основной!

Пафнутий сразу вспомнил, как воспитатель детского дома Пётр Еремеевич спускался в подвал, потому что там находилась топка прекрасного изразцового камина, рядом с которым они с Кларочкой устроили зимнее убежище. Возникло подозрение, что «гений» вовсе не он...

Искатели приключений забрались в первое же разбитое окно. (Брысь даже ненадолго проникся уважением к напарнику — так сноровисто вскарабкался тот по отвесной поверхности. Хотя, разумеется, не смог переплюнуть в ловкости «руководителя», которому понадобился всего один пружинистый прыжок.)

Внутри царило ещё большее запустение, чем снаружи. Вероятно, в течение долгих лет деревянный дворец служил многоквартирным домом и жильцы, по непостижимым причинам, его не берегли, а, наоборот, безжалостно уничтожали доставшуюся им красоту: с печей содрали роскошную облицовку, разбили искусно выполненную потолочную лепнину, почти целиком растащили прекрасный наборный паркет; шёлковые обои были заляпаны жирными пятнами и висели лохмотьями...

Искать вход в цокольный этаж не пришлось: половые доски прогнили и зияли провалами, чем наверняка пользовалась окрестная детвора. Брысь тут же устремился вниз, чтобы не дать компаньону окончательно раскиснуть от увиденного.

Подвал напоминал свалку – столько разнообразного хлама нашло здесь своё последнее пристанище, и «м.н.с.» растерялся без знакомых ориентиров.

– А ты закрой глаза и следуй за внутренней памятью! – посоветовал опытный путешественник, у которого от переживаний за сохранность драгоценностей урчало в животе. (У Пафнутия тоже урчало, но он ошибочно полагал, что это от голода.)

Помощник юного химика, обращённый волею серо-белого кота в грызуна-лунатика, зажмурился и двинулся на зов сокровищ. Брысь, затаив дыхание, крался за ним, стараясь не потревожить нечаянным звуком наладившуюся связь времён. Мышиное население подвала тоже притихло, но совсем по другой причине – уж слишком крупным и наглым показался им непрошёпный визитёр, да и сопровождавший его крыс был подозрительным, раз дружил с их извечным врагом...

Глава 40

ПОИСКИ

С закрытыми глазами идти было не-привычно и страшно, и Пафнутий то и дело спотыкался о битый кирпич, пустые банки из-под разнообразных напитков, пружины от старых матрасов, сломанные стулья и прочую дребедень, опасную для жизни маленького кладоискателя при перемещении вслепую.

— Я лучше так поищу, — заискивающе обернулся он к «руководителю экспедиции», — пока не стемнело.

День, и правда, всё больше склонялся к тому, чтобы превратиться в прохладный апрельский вечер, и слабый свет, льющийся через многочисленные дыры в полу, быстро тускнел, грозя оставить компаньонов в кромешной тьме, которая бы затруднила их и без того нелёгкую задачу.

— Ладно, — вздохнул Брысь, — давай так! Только пошустрее!

Исполняя команду, Пафнутий принялся метаться по подвалу, обнюхивая и ощупывая кирпичные перегородки и приводя местных мышей, наблюдавших из укрытий за вторжением незнакомцев, в замешательство и ужас.

Наконец «м.н.с.» совершенно обессилел и простонал в полном отчаянии:

— Всё пропало! Сто прошедших лет стёрли наши с Кларочкой следы и затоптали тропинку к потайной нише!

От огорчения грызун не заметил, что выразился чересчур высокопарно, и серо-белый кот посмотрел на него с неодобрением.

— Отдохни немножко и попробуй мыслить логически! — потребовал он от опечаленного «младшего научного сотрудника», которого, кстати, наверняка уже хватились в «лаборатории». Впрочем, и его собственное отсутствие не могло не вызвать в доме переполох. Брысь представил, как их родственники носятся из квартиры в квартиру и строят предположения по поводу совместного исчезновения кота и крысы, одно нелепее другого.

Весеннему солнцу не хотелось скатываться с небосклона и исчезать за горизонтом, и оно упрямо цеплялось за трубы дымоходов, безлистые кроны деревьев, осколки стекла в окнах старинного особняка, за истёртые и сломленные временем паркетины...

По стене подвала скользнул луч. «Последний», — констатировал Брысь, готовясь погрузиться в темноту, которая, как это часто бывает, наступила в самый неподходящий момент — когда он увидел на высвеченном прощальным солнечным приветом кирпиче кое-что интересное, а именно — отпечатки двух лап: большой и маленькой, кота и крысы...

Чтобы проверить догадку, внезапно поразившую искателя приключений, пришлось ждать, пока зрение привыкнет к новым условиям, и одним прыжком переместиться к загадочным изображениям. Брысь приложил зелёную подушечку правой передней лапы («бриллиантовые чернила» оказались на редкость устойчивыми к воздействию мыльных растворов!) к отпечатку, похожему на кошачий.

— Пафнутий, подойди сюда! — позвал он горе-кладоискателя, утомлённо подпирающего старую каменную кладку. Компаньон приблизился, тяжкими вздохами демонстрируя глубокое раскаяние за провалы в памяти.

— Дай-ка лапу! — продолжил командовать «руководитель экспедиции», и помощник юного химика послушно протянул требуемую конечность, от усталости уже ничему не удивляясь.

— Да не мне, а след на стене видишь?

Пафнутий перевёл глаза-бусины на «на скальные рисунки» и аккуратно разместил ладошку на том, что поменьше. Контуры совпали идеально, поэтому удивиться всё-таки пришлось.

— Что бы это значило? — вопросительно взглянул он на своего бывшего «летописца», который почему-то торжественно приосанился.

— Думаю, мы тут уже были! — заявил старший компаньон, добавив ответом тумана в тёмный подвал.

Поскольку Пафнутий потрясённо молчал, Брысь продолжил излагать версию происхождения отпечатков.

— Мы тут были и оставили сами себе подсказки!

— Подсказки? — промямлил «м.н.с.», окончательно запутавшись.

— Это же так очевидно! — рассердился бывалый путешественник во времени на недогадливость партнёра. — Смотри, они же показывают направление, как стрелки!

Пафнутий снова уставился на таинственные «приветы из прошлого». Пожалуй, серобелый прав — без особой причины таинственные некто не стали бы выворачивать лапы, а просто шлёпнули по стене испачканными в краске ладошками, и рисунок получился бы вертикальным.

«Руководитель экспедиции», воодушевлённый собственным невероятным предположением, уже продвигался вдоль стены, вглядываясь в пыльные кирпичи и боясь только одного, что следующий знак окажется загороженным каким-нибудь полуразвалившимся шкафом или громоздким, отслужившим срок диваном...

Глава 41

БРЫСЮ ЕСТЬ О ЧЁМ ЗАДУМАТЬСЯ

Воодушевление компаньона приободрило Пафнутия, и в радостном предвкушении скорого обогащения он устремился следом, хотя в его маленькой голове никак не укладывалось, как можно где-то побывать и совершенно, ну нисколечко, об этом не помнить?!

Опасения Брыся оказались напрасными: следующий «знак» попался ровно в простенке между двумя этажерками, на которых жильцы хранили старые вещи, видимо, настолько нужные в хозяйстве, что с ними побоялись расстаться насовсем, а потому притащили в подвал и аккуратно сложили на деревянных полках. И теперь тут лежали, заботливо укутанные мягкими слоями пыли, стопки виниловых пластинок, радиоприёмники и патефоны (вряд ли способные издать хоть один приличный звук), механическая печатная машинка (ей недоставало нескольких клавиш), катушки для спиннингов (пустые, без лески), детские книжки и игрушки (вероятно, их обладатели давно выросли из коротких штанишек) и прочие свидетельства человеческих привязанностей (что, впрочем, не помешало Людям покинуть дом и напрочь забыть

о предметах, когда-то казавшихся им столь необходимыми).

Кладоискателей охватил азарт по «отысканию» всё новых и новых «подсказок», словно именно они были конечной целью визита в особняк. Однако внезапно расположение отпечатков изменилось, указав не вбок, а вниз. Компаньоны опустили глаза и увидели на каменном полу горку кирпичной крошки.

— Она! Ниша! — восторженно пискнул «м.н.с.» и принял яростно разгребать насыпь, бормоча, как заведённый: — Нашли-нашли-нашли!

Брысь помогал, волнуясь и страшась, что те, другие их «Я», которые каким-то непостижимым образом уже навестили этот подвал, обчистили «пещеру Алладина» и не оставили им, теперешним, ни грамма от несметных богатств!

Наконец обнажилось отверстие — вход в сокровищницу.

— Ого! — воскликнул Пафнутий. — Кто-то его увеличил, так что даже ты пролезешь!

Лаз действительно позволял притиснуть внутрь плотные серо-белые бочки «руководителя» экспедиции, которая, судя по всему, подходила к завершению.

— Ой, что-то мне нехорошо! — схватился за живот Брысь, от переживаний перепутав его с сердцем. — Иди ты первый!

Длинный лысый хвост компаньона скрылся в дыре, и старший кладоискатель приготовился услышать вопль (ну писк) либо от величайшей радости, либо от глубочайшего огорчения, но помощник юного химика не издал ни звука.

Не выдержав неизвестности, Брысь заглянул в «пещеру Алладина» — обзор загораживала тушка «младшего научного сотрудника», валяющегося в очередном обмороке. И было отчего потерять сознание: вместе с гордым названием сокровищница лишилась всех обещанных Пафнутием предметов! Словно в насмешку (или в утешение) на земляном полу рядом с пустым сундучком матово поблескивала одинокая жемчужина, «сестра-близнец» той, что таскал за щекой помощник юного химика во время своих злоключений...

Обратный путь больше напоминал поход к зубному врачу, потому что физиономия белобрысого крысюка опять искривилась от помещённого в рот драгоценного шарика, а выражение мордочек горе-кладоискателей свидетельствовало об острой боли.

До дома добрались глубокой ночью. Впрочем, в квартирах на первом и третьем этажах соседних подъездов горел свет, а на лавочке вместо утренних бабулек восседали главы обоих семейств, выставленные этими самыми семействами на улицу караулить беглецов.

Отварное куриное филе, съеденное Брысем (включая добавку) безо всякого аппетита, заглушило голод, но не душевые терзания. Последнюю «оплеуху» искатель сокровищ получил, проходя мимо ванной комнаты: на раскладной сушилке для белья висела отстиранная и надушенная кондиционером наволочка, которую он собирался использовать для перетаскивания драгоценностей.

Не отвечая на озабоченные вопросы друзей, незадачливый путешественник свернулся калачиком на собачьей подстилке и накрылся толстым хвостом, яркими чёрными полосками похожим на жезл постового...

Луна нашла щёлочку в задёрнутых шторах и ласково склонилась над давним знакомцем. Она нежно погладила лучиком мягкие уши, расправила нахмуренные бровки, провела по горестно опущенным уголкам губ и не удержалась от шалости — пощекотала в розовом носу. Жёлтые глазищи тут же распахнулись и уставились на удивительную гостью.

— Вот скажи на милость, куда я мог деть сокровища?! — спросил несостоявшийся спонсор и меценат.

— Ты их потратил на благое дело! — ответило вдруг ночное светило, и Брысь вздрогнул.

— Ты умеешь разговаривать?

— Конечно! Во сне вообще всё возможно!

— А кто из нас спит? — полюбопытствовал искатель приключений, похлопав глазами.

— Ну не я же! — слегка обиделось светило. — Мне нельзя! Я на посту!

Брысь понял намёк и призадумался, какой бы ещё вопрос задать Луне, пока он не проснулся и беседа не закончилась.

— А что за «благое дело»?

Но гостья уже растворилась в утренних сумерках...

Глава 42

В ПРЕДВЕРИИ НОВЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Голова у Брыся была хоть и гораздо крупнее, чем у Пафнутия, но и в ней не укладывалось, как он умудрился потратить клад на то, чего ещё даже не придумал. Потому что на то, что он придумал: выплаты по ипотеке и спонсорскую помошь эрмикам — денег нет! Наверное, чтобы понять относительность времени, нужно всё-таки родиться великим физиком, а не обычным котом! Ясно одно — за званием заслуженного мецената нужно отправляться в прошлое!

Усталость тут же как лапой сняло, и Брысь распахнул медово-жёлтые глаза, теперь уже по-настоящему. Комнату наполняли разнообразные звуки: громко сопел Саша (он под-

хватил насморк, пока в компании с Мартином и Вовкой обыскивал дворы и прилегающий к дому пустырь в надежде обнаружить пропавших питомцев); повизгивал и похрюкивал пес, ещё и лапами сучил, видимо, догнать кого-то пытался, а может, представлял себя охотничьей собакой и преследовал красную латексную утку (на самом деле, Мартин переживал, что следы беглецов оборвались у дыры в присыпанной землёй бетонной плите, и во сне он раз за разом отважно протискивался в коварное отверстие и... застревал в нём, потому и дергал конечностями, пытаясь выбраться); в своём одноместном кресле возле письменного стола уютно похрапывал Савельич (возраст, ничего не попишешь!); Рыжий почти в Сашине ухо выстукивал зубами мелкую дробь (вероятно, насмотрелся за день на весеннюю суету птиц за окном, а во сне волшебным образом исчезло разделяющее их стекло).

Брысь удивился, как он не проснулся раньше от такого невообразимого шума. Сосредоточиться на предстоящем деле не получалось, и он покинул нагретую подстилку. Пёс сразу почувствовал себя вольготнее и перевернулся на спину, изогнувшись дугой и заняв всю спальню площадь, которая всего несколько месяцев назад находилась в его единоличном распоряжении.

Со вздохом огляделвшись в погруженной в предрассветный сумрак комнате, Брысь

увидел на столе фолиант, открытый всё на той же странице с фотографией домочадцев последнего российского императора. Осторожно, чтобы не разбудить Савельича, он вспрыгнул наверх и снова всмотрелся в царственных особ и их хвостатых любимцев.

Николай Второй ничем не напоминал своего деда, Александра Второго: не было в нём ни присущей Романовым стати, ни горделивой осанки, ни орлиного взора... Так, обычный человек – отец большого семейства... Выражение глаз государя показалось Брысю грустным, хотя снимок был сделан задолго до кровавых событий. Печально взирали на него и монаршие отпрыски: четыре великие княжны и маленький худенький Наследник престола. А собаки вообще глядели с суровой укоризной, словно именно Брысь был повинен в их смерти.

Не выдержав возложенных на него несправедливых обвинений, бывший Придворный Кот перевернул глянцевую страницу – теперь он увидел государыню и двух старших царских дочек, одетых сёстрами милосердия, в военном госпитале. Снимок сопровождали слова императрицы Александры Фёдоровны (Брысь удивился, что жену Николая Второго звали точно так же, как и супругу Николая Первого, с которой он был знаком лично и чью фарфоровую пастушку однажды разбил, смахнув нечаянно хвостом с каминной

полки): «Забудьте себя и помните о других. Если кому-то нужна ваша доброта, то доброту эту окажите немедленно, сейчас. Завтра может быть слишком поздно».

Совершать добрые поступки Брысь любил. Пожалуй, даже больше, чем сами приключения. А что если...? Додумывать мысль Брысь отправился на кухню. За неимением куриного филе погрыз сухие шарики, которые лежали в мисочках круглосуточно, а за отсутствием молока попил простой воды из кастрюльки, оставленной мамой Линой в раковине «отмокать» от пригоревшей каши (можно было, конечно, утолить жажду обычным путём, из специальной плошки, что стояла на полу для удобства пользования, но неугомонный кот предпочитал усложнённые варианты).

Разумеется, Савельич будет против – он придерживается мнения, что нельзя вмешиваться в ход уже свершившихся событий. И, более того, уверен, что такие попытки обречены на провал: мол, что случилось, то случилось... В качестве доказательства постоянно приводит фиаско, которое потерпел путешественник во времени, когда хотел спасти от гибели Александра Второго. А вот Брысь корил только свою неосведомлённость о деталях совершённого народовольцами покушения. Если бы он подготовился как следует, то наверняка изменил бы ход трагической российской истории!

Вывод напросился сам собой (а может, этому поспособствовали калорийные шарики) – он тщательно разработает план и выполнит долг Личного Кота перед потомками Александра Второго: спасёт царскую семью и, так и быть, их собак тоже...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Александра Фёдоровна (6 июня 1872, Дармштадт – 17 июля 1918, Екатеринбург), урождённая принцесса Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадская. Четвёртая дочь великого герцога Гессенского и Рейнского Людвига IV и герцогини Алисы, дочери английской королевы Виктории. Николай Второй называл её Аликс – производное от Алиса и Александра. Российская императрица, супруга Николая II с 1894 года. В годы Первой мировой войны занималась организацией госпиталей, разместив их в том числе почти во всех царских дворцах; организовала бесперебойное движение санитарных поездов; вместе с двумя старшими дочерьми Ольгой и Татьяной закончила курсы медсестёр и работала в госпитале в Екатерининском дворце, даже проводила несложные хирургические операции.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Пролог	7
Глава 1. Клад.....	11
Глава 2. Коля	16
Глава 3. Пафнутий изучает окрестности ...	21
Глава 4. Клара	25
Глава 5. Скрепление дружбы	32
Глава 6. Беда	37
Глава 7. Пафнутий знакомится с Васькой	42
Глава 8. Перемены	48
Глава 9. Прощание	54
Глава 10. Неожиданный поворот	58
Глава 11. В Петрограде	63
Глава 12. В путь.....	68

Глава 13. Снова неизвестность	73
Глава 14. Станционный смотритель	79
Глава 15. Побег.....	83
Глава 16. Ночной бой.....	88
Глава 17. Кочегар.....	92
Глава 18. Ваня	97
Глава 19. Что дальше?	101
Глава 20. Друзьям пришлось стать взломщиками	104
Глава 21. В доме на Гороховой	109
Глава 22. О бане, письмах и жемчужине.	114
Глава 23. У Пафнутия неприятности.....	121
Глава 24. Хлыст.....	125
Глава 25. Пафнитий воспользовался умениями	130
Глава 26. Друзья снова вместе.....	134
Глава 27. Лицом к лицу	138

Глава 28. Пафнутий сдержал слово	143
Глава 29. Удивительное открытие	148
Глава 30. Пафнутия водят за нос	153
Глава 31. Брысь ищет решение проблем .	157
Глава 32. Фотография.....	163
Глава 33. Компаньоны отправляются в путь	168
Глава 34. Падение	171
Глава 35. Брысь строит предположения .	175
Глава 36. Немного о чешуйчатых	181
Глава 37. Новые трудности	185
Глава 38. Кладоискателям указали путь.	189
Глава 39. «Дворец»	195
Глава 40. Поиски	199
Глава 41. Брысю есть о чём задуматься...	203
Глава 42. В преддверии новых приключений.....	208

Серия книг

«НЕВЕРОЯТНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БРЫСЯ В ПРОСТРАНСТВЕ
И ВРЕМЕНИ»

отмечена Первой премией
Международного литературного
конкурса «Новая сказка-2015».

Брысь – обычновенный кот, каких много на улицах Санкт-Петербурга. Но однажды он обнаруживает, что может путешествовать по временам, эпохам и книгам.

Романы Ольги Малышкиной – это не только увлекательное чтение, но и знакомство с малоизвестными страницами истории.

Читайте в серии:

Приключения котёнка Брыся.

Брысь, или Ком Его Высочества.

Брысь, или Один за всех, и все за одного.

Брысь, или Приключения одного т.н.с.

Брысь, или Тайны Царского Села.

Мифические эксперименты, или...

Легенды Земли Московской, или...

Тайна за седьмую печатью, или...

По вопросам приобретения книг обращайтесь по
контактам, указанным на сайте автора
olgamalyshkina.ru

Ольга Малышкина
Брысь, или Приключения одного м.н.с
(Второе издание)
Литературно-художественное издание

**Маркировка согласно федеральному закону № 436-
ФЗ: 6+**

Редактор О. Малышкина
Художник О. Кагальникова
Дизайн обложки В. Жариков
Верстальщик М. Носов
Корректор А. Ярлыкова

Гарнитура «SchoolBookC» Формат 84x108/32
Бумага офсетная 80 гр. Тираж 2000 экз.

ЕАС Изготовлено в России. Брысь & Со
Отпечатано в АО Т8 «Издательские технологии».

Москва, Волгоградский пр., 42, корп.5, 1 эт.
Тел.: +7 (499) 332-38-31

Возможна ли дружба между котом и крысой? Да, если кота зовут Брысь и он мечтает об эликсире перемещений, а крыса – питомец изобретателя волшебной жидкости Вовки Менделеева и гордится званием м.н.с. – младшего научного сотрудника. Эксперименты юного химика забросили белого крыса Пафнутия в суровое послереволюционное время, в 1918 год, где судьба свела его с детдомовским парнишкой Колей, сыном бывшего царского офицера. Смогут ли друзья отыскать в людском водовороте Колиного отца? Вырваться из рук бандитов? И при чём тут чёрная жемчужина? Какие тайны скрывает старая фотография? И что означают загадочные отпечатки в подвале старинного особняка?..

ISBN 978-5-6042350-4-1

9 785604 235041